R 460/103

2007237545

Дозволено цензурою. Москва 11 Ноября 1900 г.

R 460/103

Въ Новомъ Гетто.

(Das neue Ghetto.)

Пьеса въ 4^хъ^ дѣйствіяхъ.

Соч. Теодора Герцль.

Переводъ Е. М. Бабецкаго.

Посвящена
Максу Нордау.

Къ представленію дозволено. С. П. Б. 17 Октября 1899 г.
за № 7282.

Литографія Московской Театральной Б-ки
С. О. Разсохина. Москва, Тверская ул., Георг. пер.
д. Сушкина.

Дѣйствующія лица:

Гелльманъ, крупный суконный торговецъ.
Его жена.
Шарлотта Рейнбергъ } ихъ дочери.
Гермина Самуэль }
Самуэль, часовщикъ.
Его жена.
Д-ръ Яковъ Самуэль, адвокатъ.
Рейнбергъ, биржевикъ.
Вассерштейнъ, биржевой агентъ.
Д-ръ Фридгеймеръ, главный раввинъ Вѣны.
Фонъ-Штроммъ, ротмистръ.
Д-ръ Бихлеръ, врачъ.
Д-ръ Францъ Вурцлехнеръ, адвокатъ.
Петеръ Ведникъ, углекопъ.
Разсыльный.
Баби, горничная у Гелльманъ, потомъ у Самуэля.
Катя, горничная } у Гелльманъ.
Роза, кухарка }
Сара.

Дѣйствіе происходитъ въ Вѣнѣ, въ 1893 году.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
29 91-90

Въ Новомъ Гетто*)

Дѣйствіе первое.

Салонъ. Портьеры и все убранство — конца семидесятыхъ годовъ. Много блеска и позолоты. Главный входъ справа. По срединѣ въ глубинѣ открытая на балконъ дверь, — балконъ узокъ и длиненъ. Съ лѣвой стороны въ глубинѣ широко раскрытыя двери въ столовую, — видна часть буфета. Съ лѣвой стороны впереди открытыя двери. Повсюду свадебные подарки и цвѣты.

1 Явленіе.

Катя, Ваби, Роза, потомъ Бихлеръ.

Катя (перегнувшись черезъ балконъ, смотритъ вдаль.)

Ваби. Видно?

Катя. И сюда нѣтъ.

Роза. (сидя). Раввинъ ихъ, однако, задержалъ. Богатые люди долго вѣнчаются.

---

*) Такъ назывались кварталы, назначенные для евреевъ, во многихъ городахъ Германіи, Италіи и Востока. Въ Римѣ Гетто существовало до 1848 г. Въ средніе вѣка издавались особыя правила относительно жизни въ Гетто: напр., на ночь запирались ворота и никто изъ евреевъ не имѣлъ права выйти за черту квартала до восхода солнца и т. д.

Пр. пер.

Ваби. Да, они богаты. Какіе у нихъ брилліанты! Какъ у Кизиммитейнеровъ.

Роза. Настоящіе жиды!

Катя. Фрау Роза, вы, однако, совсѣмъ спокойны.

Роза. Теперь нечего варить. (Указывать по направленію столовой.) Все приготовлено.

Катя (садится къ нему. А красивая) была наша фрейлинъ Эрмина въ своемъ бѣломъ шелковомъ платьѣ.

Ваби (также присѣв.) А мнѣ нравится женихъ.

Роза. Ахъ, оставьте: жидъ! Съ такимъ носомъ.

Ваби. Ахъ, фрау Роза, милъ онъ во всякомъ случаѣ.

Катя. И такой ласковый, пріятный господинъ. Я его знаю.

Бихлеръ (вошелъ и останавливается, улыбаясь). Добрый день, милыя дамы!

Катя и Ваби (быстро поднявшись, оправляются). Ахъ, господи! г. докторъ!

Роза (медленно поднявшись) Благодарю васъ!

Бихлеръ. Ну, какъ дѣла, фрау Роза?

Роза. Ноги совсѣмъ стали плохи. Вѣдь цѣлый день стоишь на камняхъ у печи.

Бихлеръ. Я дамъ вамъ сонницуки.

Роза. Благодарю васъ, г. докторъ! (Уходитъ.)

Бихлеръ (доставъ часы). Въ три часа поздравленіе. Еще никто не возвратился изъ синагоги.

Ваби. Нѣтъ, г. докторъ!

Бихлеръ. Что мой подарокъ благополучно доставили?

Катя. А что было отъ васъ, г. докторъ?

Бихлеръ. Фарфоровая ваза, старинной вѣнской работы.

Катя. Фарфоровыя вещи стоятъ тамъ.

Бихлеръ. Покажите-ка ихъ. (Уходитъ въ сопровожденіи Кати налѣво.)

2 Явленіе.

Вассерштейнъ и Ваби.

Вассерштейнъ (съ правой стороны, въ поношенномъ, но тщательно вычищенномъ костюмѣ; его цилиндръ засаленъ, но свѣже выутюженъ.) Добрый день. Хозяевъ еще нѣтъ?

Ваби. Нѣтъ. Что вамъ угодно?

Вассерштейнъ. Т. е. какъ это, что мнѣ угодно? Мнѣ угодно-поздравить. Я поздравитель... Меня зовутъ Вассерштейнъ.

Ваби. Подождите здѣсь немного.

Вассерштейнъ (озираясь вокругъ, про себя.) Тонко. (Вздыхаетъ) Благородно! (Обходитъ все и осматриваетъ какъ оцѣнщикъ.) Элегантно! Положимъ, также и не ново. За этотъ гарнитуръ я дамъ еще и сегодня 800 гульденовъ. Скажемъ 750. Это онъ стоитъ. (Вздыхаетъ.) Эхъ-хе-хе, бѣда моя! (Осматриваетъ портьеру.) Великолѣпный сортъ!

Ваби (слѣдитъ за нимъ подозрительно и ходитъ по пятамъ.)

Вассерштейнъ (замѣтивъ это, наконецъ, про себя) Ахъ, вотъ что! У нея нѣтъ довѣрія ко мнѣ!.. (Вздыхаетъ.) Вассерштейнъ, ты такъ выглядишь? Ты такъ глубоко палъ? (Беретъ себѣ стулъ.) Вы позво-

лите, конечно, фрейлинъ? Я поздравитель...
(Увидѣвъ столъ съ подарками.) Ага, вотъ это свадебные подарки? Да, фрейлинъ?

Баби (очень подозрительно.) Да, конечно.

Вассерштейнъ (приблизившись къ столу.) Великолѣпно!. Эхъ-хе-хе, бѣда моя!

Баби (близко отъ него.)

Вассерштейнъ. Выставка! Сервизъ-псс... на двадцать четыре персоны! И эти канделябры. Массивно! Серебро, вѣдь, красиво,- кромѣ того, и дешево! (Беретъ подсвѣчникъ въ руку.)

Баби. Оставьте!

Вассерштейнъ (улыбаясь) Что вамъ, милое дитя, представляется? Я, вѣдь, поздравитель.

Баби. Все равно. Оставьте! (хочетъ его взять подъ руку.)

Вассерштейнъ. Если вы меня такъ дружески просите. Ахъ, пожалуйста. Но смотрѣть можно? Глазами я, вѣдь, ничего не могу унести, милое дитя. (Кладетъ руки за спину и перегибается черезъ столъ.)

3 Явленiе.

Тѣ же и Бихлеръ.

Бихлеръ (изъ лѣвыхъ дверей) Все настоящее, г. Вассерштейнъ?

Вассерштейнъ (ажитированъ.) Г. докторъ Бихлеръ! Честь имѣю, г. докторъ! Вы узнали меня?

Бихлеръ. Что за вопросъ?

Вассерштейнъ. Богъ мой, человѣка, которого постигли неудачи, узнаютъ немногiе. Вдругъ

всѣ становятся близорукими, - точно распространилась какая-то глазная эпидемія. Меня тоже постигла теперь эпидемія...

Бихлеръ (садясь). Не сядемъ-ли?

Вассерштейнъ. Конечно. (Къ Бабѣ). Вы видите, милое дитя, что я дѣйствительно поздравляю. (Къ Бихлеру). Она отнеслась ко мнѣ очень подозрительно. (Садится).

Бихлеръ (смѣясь). Я ручаюсь за этого господина.

Баба (застѣнчиво). Я не могла этого знать. (Уходитъ налѣво).

Бихлеръ. Итакъ, мы теперь внизу, любезный?

Вассерштейнъ. Внизу? Скажите въ подвальномъ этажѣ. А что подъ подваломъ? Подпочвенная вода? такъ я на самомъ днѣ ея!

Бихлеръ. Все проиграли на биржѣ?

Вассерштейнъ. Я платилъ, пока былъ въ состояніи. Затѣмъ...

Бихлеръ. Вы перестали играть?

Вассерштейнъ. Почему вы это думаете? Я остался долженъ и, наконецъ, долженъ былъ совсѣмъ оставить биржу.

Бихлеръ. Непріятно! Чѣмъ-же вы теперь занимаетесь?

Вассерштейнъ. Я хожу на биржу.

Бихлеръ. Да, снаружи.

Вассерштейнъ. Нѣтъ, и во внутрь. Рейнбахъ, зять Целлмана, покончилъ мои счеты. (Вздыхая). За пустыя деньги... Я теперь его агентъ... И сюда я сегодня пришелъ только для того, чтобъ

сообщить ему последніе курсы, иначе я бы... Что я собственно въ этомъ домѣ?

Бихлеръ. А что?

Вассерштейнъ. Да, вы не знаете, что я... я! хотѣлъ сватать фрейлинъ Гермину и жениться!

Бихлеръ. Вотъ что!

Вассерштейнъ. Какъ видите меня. Т. е., не такъ, какъ вы видите меня теперь, а такъ, какимъ я былъ годъ тому назадъ, когда это платье было еще ново. Она тоже виновата въ моемъ раззореніи.

Бихлеръ. Кто? Фрейлинъ Гермина?

Вассерштейнъ. Натурально. Чтобъ жениться на дочери Геллмана, надо имѣть много денегъ.

Бихлеръ. Г. Геллманъ, вѣдь, не богатъ.

Вассерштейнъ. Я тоже цѣню его не очень высоко. Скажемъ сто тысячъ гульденовъ. И то они лежатъ въ дѣлѣ. А если онъ когда нибудь умретъ, - что надо надѣяться, не случится..

Бихлеръ. Ха, ха, ха!

Вассерштейнъ. Короче: небольшое состояніе но большія потребности и дочери воспитаны для милліонеровъ. Когда я влюбился въ фрейлинъ Гермину, я сказалъ себѣ: Вассерштейнъ, теперь ты долженъ сдѣлаться милліонеромъ. Я взялъ себѣ за образецъ Рейнберга, который за три года передъ этимъ женился на другой дочери Геллмана. И вотъ, я вступилъ въ бой, чтобъ побѣдить фрейлинъ Гермину, - я влюбился въ большое

количество португальскихъ фондовъ.

Бихлеръ. Влюбились?

Вассерштейнъ. Такъ говорится. Это называется „покупать". Я покупалъ и покупалъ, а португальскіе все падали и падали. Я боролся...

Бихлеръ. И вы проиграли сраженіе?

Вассерштейнъ. Какъ генералъ!

Бихлеръ (встаетъ и прохаживается). Какія только формы не принимаетъ любовь! Ромео покупаетъ португальскій заемъ.

Вассерштейнъ. Ахъ, любезный докторъ, я не въ состояніи былъ больше считать, - я имѣлъ въ головѣ только ее. Я до глупости влюбился въ эту дѣвушку. Она такъ красива, такъ изящна, у нея волосы, какъ изъ золота!

Бихлеръ. Вы впадаете въ лиризмъ.

Вассерштейнъ. Во что я впадаю?

Бихлеръ. Я хотѣлъ сказать, что вы выражаетесь какъ поэтъ.

Вассерштейнъ (глубокоогорченный). И теперь все рухнуло: и мои деньги, и эта дѣвушка! Хотя бы я по крайности сохранилъ деньги. Но все потерять! Это очень тяжело!

Бихлеръ. Если бы вы, г. Вассерштейнъ, были философомъ, вы бы знали, что ваши потери обыкновенное дополненіе къ другимъ несчастьямъ; съ вашими потерями можно еще мириться.

Вассерштейнъ. Извините, но какъ?

Бихлеръ. Если съ счастливой биржевой игрой связано обладаніе всѣми земными благами,

то съ несчастной всевозможныя мнѣнія. Рейнбергу везло, вамъ нѣтъ. Это одно и тоже.

Вассерштейнъ. Для чести, - пожалуй.

Бихлеръ. Вотъ это вы и должны понимать какъ философъ.

Вассерштейнъ. Но я никакой философъ! Совсѣмъ напротивъ. И когда я былъ теперь въ храмѣ, сердце у меня разорвалось на части. Когда я увидѣлъ ее рядомъ стоящую съ докторомъ Самуэлъ, - ее всю бѣлую, его всего черного. И я при этомъ думалъ: Вассерштейнъ, если бы ты тогда подвелъ контръ-мину подъ португальскіе... Но бѣда моя! (Вытираетъ слезу.) Я скорѣе ушелъ, чтобъ не замѣтили моихъ страданій, и съ отчаяніемъ въ душѣ пошелъ черезъ Аспернскій мостъ.

Бихлеръ. Что вы!

Вассерштейнъ. Да. Къ биржѣ. Крѣпкое настроеніе съ турецкими бумагами.

Бихлеръ (смѣясь). А я было подумалъ, что вы хотѣли лишить себя жизни.

Вассерштейнъ. А, у меня совсѣмъ другія заботы!

Бихлеръ. Смѣшно, право, какъ все складывается. Если бы вы правильно повели свою спекуляцію, жизнь трехъ людей сложилась-бы иначе.

Вассерштейнъ. Какъ трехъ?

Бихлеръ. Вы, фрейлинъ Эрмина и докторъ Самуэль.

Вассерштейнъ. Вы знаете доктора Самуэля?

Бихлеръ. Я его ввелъ въ этотъ домъ.

Вассерштейнъ. А я полагалъ, что это сдѣлалось чрезъ свадебнаго комиссіонера.

Бихлеръ. Самуэль? За кого вы его считаете? Онъ не такой. Развѣ вы о немъ не слыхали?

Вассерштейнъ. Слыхалъ, - о, да. Адвокатъ. У него много дѣлъ?

Бихлеръ. Обыкновенно не очень много. Онъ защищаетъ интересы людей честныхъ.

Вассерштейнъ. Что, можно съ этого жить?

Бихлеръ. Кажется.

Вассерштейнъ. Стало быть, хорошо! Фрейлинъ Термина захочетъ, вѣдь, такъ жить, какъ ея сестра, фрау Рейнбергъ. Хорошіе туалеты, бриліанты, театры, концерты. Это называется пропускать денежки. А можетъ-ли это человѣкъ, живущій своимъ заработкомъ? Впрочемъ что я говорю? Рейнбергъ, конечно, будетъ ему помогать. Такой свояк что нибудь да стоитъ! Рейнбергъ можетъ его сдѣлать при банкахъ юрисъ-консуломъ.

Бихлеръ. Консультомъ.

Вассерштейнъ. Сдѣлайте одолженіе, - пусть ихъ называютъ юрисъ-консультами. Короче, Рейнбергъ поддержитъ его за плечи.

Бихлеръ. Только если Самуэль допуститъ до этого.

Вассерштейнъ. То есть, какъ это? Что онъ сумасшедшій, что не допуститъ этого? Въ чемъ тутъ будетъ острота?

Бихлеръ. Г. Вассерштейнъ, вы этого не пой-

мете.

Вассерштейнъ. Возможно, но все-таки, онъ... такое счастье этому человѣку!

Бихлеръ. Вы ему очень завидуете?

Вассерштейнъ. Я? По чести, нѣтъ. Эмануэль Вассерштейнъ не знаетъ зависти. Я имѣю только сострадание къ себѣ. Изъ сострадания къ себѣ я изъ синагоги ушелъ.

Бихлеръ. Много тамъ было народа?

Вассерштейнъ. Весь суконный рядъ оказалъ честь Целльману. Много адвокатовъ, натурально. Да, почему не было васъ, г. докторъ?

Бихлеръ (улыбаясь). Объ этомъ вы можете догадаться.

Вассерштейнъ. Да, правда! Вѣдь, вы крещенный.

Бихлеръ. Равинъ не выноситъ меня, я это знаю. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ. И такъ какъ я не желаю сердить своимъ присутствiемъ благочестивыхъ евреевъ. (Слышенъ стукъ подъѣзжающихъ экипажей)

Вассерштейнъ. Почему собственно вы крестились?

Бихлеръ. Собственно - это васъ не касается, любезный. Но я отвѣчаю всегда на вопросъ. То, что я сдѣлалъ обусловлено моей индивидуальностью.

Вассерштейнъ. Индиви... Какъ? Этого я тоже не понимаю.

Бихлеръ (вздыхая). Или въ крайнемъ случаѣ была попытка рѣшенiя... но, между нами, на безпокоившiй меня вопросъ отвѣта я не получилъ.

Катя (пробегает съ лѣвой стороны въ правыя двери). Они уже здѣсь!

4 Явленіе.

Бихлеръ, Вассерштейнъ, Яковъ Самуэль, Гермина, Катя, потомъ Францъ, позднѣе Целльманъ съ женою, отецъ и мать Самуэль, Рейнбергъ и Шарлотта.

(Во время всей этой сцены слышенъ стукъ подъѣзжающихъ экипажей. Гости входятъ по три или четыре персоны, изъ правыхъ дверей, подходятъ къ молодымъ; и, если имъ не о чемъ говорить, ограничиваются рукопожатіями, поцѣлуями и поклонами, - въ глубинѣ сцены.)

Яковъ (останавливается у дверей вмѣстѣ съ Герминой, входя.) Теперь ты моя жена! (откидываетъ фату назадъ и цѣлуетъ ее въ лобъ.)

Гермина. Катя, помогите мнѣ снять вуаль.

Бихлеръ (протягивая Якову обѣ руки навстрѣчу.) Полнаго счастья!

Яковъ (тепло) У васъ это отъ сердца! Благодарю!

Бихлеръ (къ Герминѣ). Дорогое дитя! (Къ Якову.) Я могу поцѣловать Гермину?

Яковъ (улыбаясь). И вы еще спрашиваете?

Бихлеръ (цѣлуетъ Гермину въ лобъ.)

Вассерштейнъ (къ Якову.) Моя фамилія Вассерштейнъ. Я также поздравляю.

Яковъ (дружески). Много благодаренъ!

Вассерштейнъ. Я старый знакомый семейства Целльманъ и потому я такъ радъ поздравить.

Яковъ (обращается къ Герминѣ, которая занята вуалемъ) Гермина, другъ вашего дома?

Вассерштейнъ (дѣлаетъ почтительный поклонъ)
Сударыня, я очень радъ васъ поздравить.

Гермина (благодаритъ, улыбаясь)

Францъ (входитъ.)

Яковъ (замѣтивъ его, спѣшитъ къ нему навстрѣчу.)
Францъ! Дорогой мой! (Обнимаетъ его и подводитъ за руку къ Герминѣ) Вотъ это докторъ Бурцлехнеръ, мой другъ! Тотъ самый, о которомъ я тебѣ разсказ[ывалъ] такъ много. Мои родители и онъ оставляли мою семью, пока я не узналъ тебя.

Францъ. Теперь мы всѣ трое немного подадимся назадъ.

Гермина (понявъ игру словъ) Въ самомъ дѣлѣ.

Нѣкоторыя дамы (шуршатъ богатыми туалетами, украшены бриллiантами, входя, обнимаютъ Гермину)

Францъ (съ Яковомъ немного отходятъ въ сторону)
Такъ-то, дружище! Но, вѣдь, тебѣ сейчасъ не до меня...

Яковъ. Ты хочешь уйти? Ты этого не сдѣлаешь! Въ такой день ты останешься у меня!

Францъ. Я здѣсь совсѣмъ не знакомъ, а ты принадлежишь сегодня всѣмъ этимъ господамъ.

Яковъ. Погоди мгновенье. Суета эта сейчасъ окончится. Побудь въ обществѣ доктора Бихлера. Этого ты, вѣдь, знаешь.

Францъ. Конечно... Ну, какъ хочешь.

Яковъ. Родители моей жены.

Францъ (идетъ къ Бихлеру налѣво, раскланивается.)

Целлманъ (патетически. Кладетъ на грудь, затюш...

ка!

Фрау Гелльманъ (плача). Сдѣлай ее счастливой!

Яковъ (обнимаетъ ихъ).

Бихлеръ (къ Францу). Вы были въ синагогѣ?

Францъ. Да. Это совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ. Я не знаю, мнѣ не все показалось истинно благочестивымъ. Быть можетъ, это отъ того, что мужчины въ шляпахъ. Но пѣніе было прекрасно. Одинъ пѣлъ удивительно. И потомъ органъ! Это настроило мою душу очень торжественно.

Бихлеръ. Это старинные напѣвы, которые уже многія столѣтія трогаютъ сердца людей.

Францъ. Какъ это все сохранилось. Эти чужіе обычаи среди насъ. Удивительно! И Яковъ сегодня тоже показался мнѣ другимъ.

Бихлеръ (смѣясь). Понятно, почему онъ навсегда такой! (Уходятъ въ глубину, смѣясь).

Яковъ. Моихъ родителей нѣтъ еще?

Фрау Гелльманъ. А вотъ и они.

Самуэль (входитъ изъ правыхъ дверей съ женой; радостно настроенные.)

Яковъ (цѣлуетъ сначала у матери руки, а затѣмъ отцу). Мои дорогіе! (Посреди нихъ выходитъ впередъ). Это самый радостный день! У васъ есть теперь дочь, дивно прекрасная!

Самуэль. Будемъ за это благодарны Богу. Замѣтъ, кто либо изъ Самуэлей съ некрасивой женой – это противно природѣ! Посмотри-ка на свою мать еще и теперь. Мы не допускаемъ свою расу до вырожденія.

Яковъ (смъясь). Ахъ, батюшка, Самуэлевская раса!

Самуэль. А что, развъ нехороша?

Яковъ (жметъ ему руку.) О да, я отъ чудныхъ, прекрасныхъ родителей! Но къ нашей крови прибавился новый источникъ, тоже не дурной. Я желаю дътей, которые были бы похожи на васъ.

Фрау Самуэль. А я тебъ желаю такихъ дътей, какимъ ты былъ и есть. Пусть это будетъ тебъ наградой за ту радость, которую ты доставлялъ намъ всегда.

Яковъ (взволнованный, цълуетъ у матери руку). Матушка!

Фрау Самуэль. Теперь, мое дитя, ты долженъ серьезно и разумно устроить свою новую жизнь. Будь господиномъ въ своемъ домъ, но не строгимъ господиномъ. Помни: она молодое дитя и еще не знаетъ, какъ трудна жизнь. Ты зналъ борьбу за существованіе и ежедневно добывалъ свой хлъбъ, она выросла не при столь тяжелыхъ условіяхъ. Избавь ее отъ напрасныхъ заботъ, но горе она должна нести вмъстъ съ тобою. Доставляй ей удовольствія, но не допускай легкомыслія. Живи по своему состоянію и ты не будешь дълать того, что тебъ не по силамъ. Мы воспитали изъ тебя честнаго человъка и твой характеръ не такой, чтобъ унижаться ради денегъ.

Самуэль. Запечатлъй это въ сердцъ своемъ, сынъ мой! Лучше и я не могъ-бы тебъ сказать.

Гертруда (подходитъ.) Вотъ и я, папа. (Подставляетъ сначала Самуэлю, потомъ фрау Саму-

…лъ для поцѣлуевъ свой лобъ).

Фрау Самуэлъ (къ мужу) Позволь мнѣ, я пару словъ хочу сказать нашей дочери. (Садятся).

Самуэль (отводитъ Якова на нѣсколько шаговъ) Мы теперь лишніе

Фрау Самуэль. Садись, дитя мое.

Гермина (садится).

Фрау Самуэль. Дитя мое, съ мужемъ твоимъ легко ладить, если его понять. Онъ гордъ. Много онъ терпитъ поэтому и всегда много терпѣла и я съ нимъ. Я часто бывала напугана его гордостью — и когда онъ еще мальчикомъ былъ, онъ не переносилъ обидъ и отличался неукротимостью. Но по мѣрѣ того, какъ росло мое материнское чувство, — а каждая мать сама растетъ вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ, — я начала направлять его гордость въ ту сторону, въ которую я хотѣла. Такъ поступай и ты.

Гермина. Я это попробую, мама.

Фрау Самуэль. Я была необразованной женщиной, — я и сейчасъ не могу написать какъ слѣдуетъ правильно письма; но ради сына я стала учиться. Я усвоила себѣ лучшее произношеніе, чѣмъ еврейско-нѣмецкое, чтобъ онъ не стыдился меня. Такъ поступай и ты. Старайся подняться до его высоты, ты поймешь его и онъ будетъ чувствовать себя съ тобою хорошо даже и тогда, когда пройдетъ любовный пылъ.

Гермина (улыбаясь). Мы еще не такъ далеко ушли.

Фрау Самуэль. Еврейская жена должна быть еще больше женою своему мужу, чѣмъ христіанская. Нашим мужья многое переносятъ, когда они внѣ дома. Такъ пусть-же его домъ будетъ для него отрадой. Наряжайся только для него, думай только о немъ, живи только имъ.

Гермина. Все, что ты говоришь, maman, такъ хорошо и умно.

Фрау Самуэль (цѣлуя ее въ лобъ) Благодарю тебя, дитя мое за то, что ты этому внимаешь... А теперь я не хочу тебя больше задерживать. Тамъ твоя сестра, - и у нея на душѣ тоже есть о чемъ тебѣ порасказать.

Гермина. Шарлотта! Она совсѣмъ не серьезна. (Цѣлуетъ руку и идетъ къ Шарлоттѣ, вошедшей съ Рейнбергомъ)

Самуэль (возвращается назадъ, просто) Кончила ты свое наставленіе, мать?

Фрау Самуэль. Симонъ, у насъ есть дочь. (Складываетъ молитвенно руки).

Самуэль. А теперь пойдемъ закусывать. (Медленно направляется съ нею въ глубину палатки.)

Гиллманъ (дружески приглашаетъ гостей въ столовую). Прошу, господа, къ буфету. (Сцена пустѣетъ.)

5 Явленіе.

Шарлотта, Гермина, Рейнбергъ, Яковъ, потомъ Вассерштейнъ, позднѣе Штроммъ.

Шарлотта (Герминѣ). Ты видѣла въ храмѣ Шлезингеръ? Парижское платье.

Гермина. Какъ я могла это замѣтить [illegible]

ми?

Шарлотта. О, Боже мой! Ты сентиментальна.

Черкина. Шарлотта?

Шарлотта. Представь себѣ: у Шлезингеръ такіе рукава! Великолѣпіе... (Онѣ идутъ въ глубину, садятся у выхода на балконъ.)

Рейнбергъ (не похожъ на еврея, держится прямо, съ рыжими кавалерійскими усами, подзываетъ къ себѣ входящаго Якова) Свояк!

Яковъ. Братъ! (Крѣпкое рукопожатіе.)

Рейнбергъ. Между нами слова излишни! Будемъ помогать другъ другу. (Озирается.)

Яковъ. Конечно! Ты ищешь кого?

Рейнбергъ. Моего агента. Ты знаешь Вассерштейна?

Яковъ. Нѣтъ... Ахъ, да, этотъ комикъ! (Смѣется.) Онъ былъ здѣсь сейчасъ.

Вассерштейнъ (сходя изъ глубины, въ одной рукѣ бокалъ шампанскаго, въ другой сандвичъ; онъ набилъ ротъ и жуетъ.)

Рейнбергъ (укоризненно) Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (спѣшно подходитъ, говоритъ, жуя). 370, 266, 281, 498.

Францъ (сходя изъ глубины, подходитъ къ Якову и прислушивается съ изумленіемъ).

Яковъ. Теперь я буду съ тобою!

Вассерштейнъ. 106 пятьдесятъ, очень слабо, 63 двадцать-пять, двадцать три. Заключеніе слабое.

Францъ (недочитывая). Что это такое?

Яковъ (пожавъ плечами) Курсовой бюллетень!.. Пойдемъ, выкуримъ сигару. (Садится снова впереди съ Францемъ. Оба закуриваютъ.)

Рейнбергъ. Берлинъ?

Вассерштейнъ. 99,82 семьдесять пять, 109, потому что султанъ накололъ себѣ ногу.

Рейнбергъ. Эту остроту я знаю.

Вассерштейнъ. Горныя цѣнности ослабѣли.

Рейнбергъ. Парижъ?

Вассерштейнъ. Слабо на Лондонъ.

Рейнбергъ. Что говорятъ?

Вассерштейнъ. Въ Берлинѣ большія угольныя продажи; здѣсь покупаютъ массами. Говорятъ-это Шлейзингеръ.

Рейнбергъ (улыбаясь) Вассерштейнъ, вы оселъ!

Вассерштейнъ (упавшимъ голосомъ) Почему, г. фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Тотъ нѣкто, что продаетъ въ Берлинѣ и здѣсь покупаетъ - это я.

Вассерштейнъ (съ болью.) Черезъ другого агента, г. фонъ - Рейнбергъ?

Рейнбергъ. Потому что знаютъ, что вы работаете для меня... Но теперь мнѣ выгодно, чтобъ знали о моемъ участіи въ угольныхъ дѣлахъ. Когда я замѣтилъ васъ въ Синагогѣ, я хотѣлъ было дать вамъ одно порученіе. Теперь уже поздно.

Вассерштейнъ (вздыхаетъ съ огорченіемъ). Бѣда моя!.. учись. Кто думаетъ въ храмѣ о дѣлахъ.

Рейнбергъ. Вассерштейнъ, вы...

Вассерштейнъ. Осмъ, — я знаю, г. фонъ-Рейнбергъ... И такъ вы влѣзли въ угольныя предпріятія? Стало быть, правда и то, что вы беретесь за Шроммовскія копи.

Рейнбергъ. Кто это говоритъ?

Вассерштейнъ. Говорятъ.

Рейнбергъ (раздраженно). „Говорятъ" — ложь!

Вассерштейнъ. Васъ также, г. фонъ-Рейнбергъ, разика два видѣли съ г. ротмистромъ дворяниномъ фонъ-Шроммъ.

Рейнбергъ (насмѣшливо). Меня? Ну, да, я гулялъ съ нимъ... Ротмистръ Шроммъ мой другъ.

Вассерштейнъ (недовѣрчиво). Такъ онъ близкій другъ вамъ, г. фонъ-Рейнбергъ?

Рейнбергъ (снисходительно). Любезный мой Вассерштейнъ, ко мнѣ захаживаютъ и сановники.

Вассерштейнъ. Идетъ онъ съ вами по улицѣ?

Рейнбергъ. Какъ это? Если я этого желаю... Вы должно быть не знаете, что на моихъ вечерахъ собирается лучшее общество.

Вассерштейнъ. Откуда мнѣ это знать? Вѣдь вы меня на нихъ не приглашаете, г. фонъ-Рейнбергъ.

Рейнбергъ (мягко). И такъ, какъ говорится, вы можете вездѣ разсказывать, что въ этомъ ни слова правды. Я не основываю никакихъ угольныхъ предпріятій!

Катя (спѣшно входитъ изъ правыхъ дверей — къ Германнъ и Шарлоттѣ). Г. ротмистръ фонъ-Шроммъ!

Яковъ (услыхавъ, встаетъ взволнованный, вполголоса). Какъ? Шроммъ?

Францъ. А что такое?

Рейнбергъ (идетъ къ дверямъ направо съ протянутой впередъ рукой).

Шроммъ (элегантный спортсменъ, въ обыкновенномъ уличномъ костюмѣ, 42 лѣтъ; идетъ съ Рейнбергомъ къ дамамъ, которыя встаютъ, раскланиваются).

Вассерштейнъ (про себя). Какъ называется, ни одно слово правды!.. И если это неправда, – для чего мнѣ это откладывать?. Теперь мы увидимъ, осмъ-ли Вассерштейнъ. Пойду раньше подкрѣплюсь этими вкусными бутербродами... (Скрывается налѣво съ поклонами, которыхъ никто изъ присутствующихъ не замѣчаетъ.)

Францъ (тихо.) Ты, вѣроятно, имѣлъ что съ этимъ господиномъ?

Яковъ. Да. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пренепріятная исторія.

Рейнбергъ. Вы не знакомы еще съ родителями моей жены?

Шроммъ (отчетливо.) Не имѣю чести!.. Только фрейлинъ Гермину! Ахъ, pardon! Мадамъ... (Дамамъ, понизивъ тонъ.) Я на минутку, чтобъ поздравить!..

Шарлотта. Любезны, какъ всегда!

Шроммъ. Пожалуйста! (Герминѣ.) Съ вашимъ супругомъ я также не знакомъ.

Гермина (сдѣлавъ шагъ впередъ.) Какъ, позволь те

бя представить! Мой мужъ — ротмистръ фонъ Шроммъ.

Шроммъ (дѣлаетъ два шага впередъ, протянувъ руку, чтобъ подать ее Якову; но узнаетъ его, мгновенно колеблется и, опустивъ руку, вѣжливо кланяется). Очень пріятно!

Яковъ (также сдѣлавъ два шага къ Шромму навстрѣчу, смотритъ ему прямо въ глаза и наклоняетъ голову). Очень радъ!

Шроммъ (про себя) Это онъ! (Возвращается къ дамамъ). Если вы будете такъ любезны и проводите меня къ своимъ родителямъ....

Шарлотта. Съ большимъ удовольствіемъ!

Рейнбергъ (идетъ озабоченный) Позвольте угостить васъ. (Уходитъ налѣво.)

Шроммъ (вмѣстѣ съ Шарлоттой и Цериной, уходятъ налѣво.)

6 Явленіе.

Яковъ и Францъ.

Яковъ (глядя имъ вслѣдъ.)

Францъ. Ты такъ на него смотришь, что становишься невѣжливъ.

Яковъ. Еслибъ ты зналъ, какъ это и сейчасъ меня волнуетъ, — а, вѣдь прошло пять лѣтъ!

Францъ. Что случилось? Можешь разсказать?

Яковъ. Тебѣ? Да! Помнишь болѣзнь моего отца, пять лѣтъ тому назадъ?

Францъ. Конечно. Тогда я и полюбилъ тебя, видя твое отношеніе къ отцу, твое бодрствованіе и днемъ и ночью.

Яковъ. Правда, это было. Отъ ночнаго дежурства я сдѣлался разстроеннымъ, нервнымъ. Какъ-то мать убѣдила меня выйти. Я согласился и зашелъ въ городѣ въ кафе. Я сѣлъ къ столу одного господина, котораго не замѣтилъ. Лежала газета, - я ее взялъ. Господинъ этотъ, вѣроятно, уже былъ на меня обозленъ и сердито замѣтилъ: „эта моя газета!" Я взглянулъ на него и отвѣтилъ нервно: „Ну вотъ еще, ваша газета! Теперь она моя..." А онъ мнѣ рѣзкимъ тономъ: „положите!" Я ему точно такъ назадъ: „мнѣ этого не угодно сдѣлать!" Онъ, горячась, говоритъ мнѣ: „Вы не знаете, съ кѣмъ вы говорите!" Я еще выше: „Вы пугаете меня!" Онъ: „Попомните вы это!" Я: „Какъ вамъ будетъ угодно, милостивый государь!" Онъ, вскочивъ: „Чортъ - вашъ милостивый государь! Знаете вы, кто я?" Я насмѣшливо: „Ну, конечно, вы мнѣ это скажете." Онъ: „Вотъ моя карточка!" Бросилъ мнѣ карточку, я ему подалъ свою - и ушелъ.

Францъ. Какое глупое столкновеніе.

Яковъ. На карточкѣ стояло: „дворянинъ фонъ Шроммъ, ротмистръ." - Я пришелъ домой. Отцу было хуже, мать въ отчаяніи и стало у меня на душѣ очень тяжело. Теперь мнѣ драться. Правда прежде много разъ у меня случалось, но такъ - въ пальцы или въ грудь, до первой крови... Но теперь я не могъ... Отецъ былъ при смерти. И когда на другой день ко

мнѣ явился) секундантъ Шромма... я... извинился... (Закрываетъ себѣ глаза рукою)

Францъ (тепло). Бѣдняга!

Яковъ. Я тогда этого не разсказалъ тебѣ... изъ стыда. Ты подалъ мнѣ свою руку?

Францъ (протестуя). Но! (Жметъ ему руку.) Изъ за того, за что не дерется ни одинъ серьезный мужчина. Вся эта исторія одна глупость. Этимъ надо было пренебречь.

Яковъ. Я нѣтъ. Я не могъ, потому что я еврей. Вы, вы можете къ подобнымъ вещамъ относиться легче. Если ты, Францъ Вурцлехнеръ, миролюбиво покончишь такую исторію, — ты спокойный и сдержанный человѣкъ. Я, Яковъ Самуэль — я трусъ.

Францъ. Безуміе! Ротмистръ послѣ твоего извиненія не назвалъ-же тебя трусомъ?

Яковъ (возбужденно вскочивъ) Если бы только онъ осмѣлился! Правда! Для него это было не дворянскимъ дѣломъ. (Стиснувъ зубы). Тоже не особенно много чести драться съ жидомъ... Я встрѣчалъ его иногда потомъ на улицѣ. Я былъ всегда сильно возбужденъ... Ахъ, если бы онъ замѣтилъ хоть одно мое выраженіе, — я готовъ былъ растерзать его.. Правда, онъ былъ корректенъ!.. Нѣсколько разъ я пробовалъ подойти къ нему...

Францъ. Фу, задирать!

Яковъ. Онъ вѣжливо обходилъ меня... Я же не могъ его остановить, какъ гимназистикъ...
(Тихо.) Видишь, Францъ, есть достойный че—

словѣкъ, который меня презираетъ.

Францъ. Оставь, ты, просто, глупъ!

7 Явленіе.

Прежніе, Шроммъ съ Шарлоттой, за ними Рейнбергъ, Фрау Целлманъ, Вассерштейнъ и другіе гости, которые въ почтительномъ отдаленіи разглядываютъ ротмистра; потомъ Бюхлеръ и Гермина.

Шроммъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, удалиться, сударыня... Моя сестра ждетъ меня.

Шарлотта (громко.) Графиня Вильгенца?

Шроммъ. Да.

Вассерштейнъ (къ нѣкоторымъ изъ гостей, съ удивленіемъ, но тихо.) Графиня... Исса!..

Гости (качаютъ головами съ выраженіемъ удивленія что это нешуточное дѣло) -

Шарлотта. Я хотѣла собственно графиню спросить объ одномъ обстоятельствѣ.

Шроммъ (вскакиваетъ.) Вы хотѣли? (тотчасъ съ свѣтской любезностью) Передайте черезъ меня!

Шарлотта. Мнѣ предлагаютъ взять бонну, которая жила у графини. Я беру къ себѣ, конечно, только такихъ людей, которые служили въ хорошихъ домахъ. Вотъ я и хотѣла узнать, можно-ли на нее положиться?

Шроммъ. Я узнаю..

Шарлотта. Вы понимаете, - при дѣтяхъ это такъ важно, когда желаешь дать хорошее воспитаніе.

Шроммъ. Понимаю.. (Строитъ каблуками,

наклоняетъ голову въ сторону Шарлотты и идетъ къ двери направо.)

Рейнбергъ (вслѣдъ). Вы дѣйствительно уже уходите, любезный ротмистръ?

Шрамъ. Да, любезный. (Жметъ ему руку.) Здѣсь слишкомъ много народа... До свиданія. (Уходитъ.)

Вассерштейнъ (который ко всему этому прислушивался.) Онъ хотѣлъ сказать: слишкомъ много евреевъ!

Рейнбергъ (строго.) Вассерштейнъ, вы оселъ!.. Достаточно на васъ посмотрѣть, чтобъ сдѣлаться антисемитомъ.

Вассерштейнъ (съ болью) Г. фонъ-Рейнбергъ!

8 Явленіе.

Фридгеймеръ, фрау Самуэль, Гельманъ, Самуэль, прежніе безъ Шрамма.

Гельманъ. Жакъ! Раввинъ желаетъ тебя видѣть.

Яковъ (оставляетъ Франца, идетъ два шага навстрѣчу Фридгеймеру.)

Фридгеймеръ (ведетъ подъ руку фрау Самуэль, изъ лѣвыхъ дверей. Гости составляютъ для его прохода аллею, - онъ кланяется нѣкоторымъ.)

Вассерштейнъ (пробившись впередъ) Имѣю честь, г. раввинъ.

Фридгеймеръ (подаетъ Вассерштейну и другимъ руку, направляется въ середину, гдѣ стоитъ Рейнбергъ, къ которому обращается громко:) Г. Рейнбергъ, я слыхалъ, что биржа слаба.

Рейнбергъ. Паденіе не будетъ продолжитель-

нымъ

Францъ (который рядомъ съ Бихлеромъ, слѣва, тихо) Невозможно! Раввинъ тоже играетъ?..

Яковъ (къ Фридгеймеру) Не вѣрю своимъ ушамъ, г. докторъ! Вы интересуетесь биржей?

Фридгеймеръ (спокойно) Не для меня мой молодой другъ, а ради моихъ бѣдныхъ. (Пропускаетъ фрау Самуэль справа занять мѣсто и садится около нея. Другіе собираются постепенно около говорящаго, образуя полукругъ, стоятъ очень тѣсно. Одинъ смотритъ черезъ плечо другого, всѣ слушаютъ съ благоговѣніемъ. Справа группа, въ которой Вассерштейнъ стоитъ, наставивъ руку у уха, чтобъ лучше слышать. Слѣва впереди стоятъ Францъ и Бихлеръ.)

Яковъ (стоитъ предъ Фридгеймеромъ.)

Фридгеймеръ (съ нѣкоторымъ умиленіемъ) Да, когда дѣла на биржѣ хороши, я имѣю деньги для моихъ бѣдныхъ. Биржа даетъ.

Вассерштейнъ. Когда она имѣетъ.

Вейнбергъ (приподнявъ голову.) Псстъ!

Фридгеймеръ. Теперь вотъ опять намъ нужно много денегъ для переселенцевъ, которыхъ шлютъ черезъ океанъ, - для этихъ несчастныхъ! Да, мои друзья, намъ еще не такъ плохо, какъ тѣмъ нашимъ единовѣрцамъ. Мы можемъ хотя оставаться въ нашемъ отечествѣ.

Яковъ. Только не спрашивайте меня, какъ!

Фридгеймеръ. Какъ всегда! Насъ защищаетъ законъ. Правда, на насъ опять косятся, какъ

въ старыя времена, когда мы жили въ Гетто.
Но, вѣдь стѣны пали.

Яковъ. Видимыя

Фридгеймеръ. Это новое движенiе имѣетъ так-же свою хорошую сторону. Съ тѣхъ поръ, какъ появился антисемитизмъ въ нашей сторонѣ, я снова вижу больше благочестiя. Антисемитизмъ ведетъ къ тому, чтобъ мы остались вѣрными другъ другу, чтобъ мы не отреклись отъ Бога нашихъ отцовъ, – какъ нѣкоторые... (Выдается впередъ, чтобъ бросить взглядъ на Бихлера.)

Бихлеръ (къ Францу.) Это относится ко мнѣ. (Большая часть слушателей смотрятъ на Бихлера съ укоромъ.)

Фридгеймеръ. Нашъ Богъ вывелъ насъ когда-то изъ Египта. И потому, что мы на него уповали, мы сохранили себя и сохранили свои старыя добродѣтели.

Яковъ. И старые пороки.

Фрау Самуэль (укоризненно.) Яковъ!

Фридгеймеръ. Какъ придатокъ. Въ Гетто было душно, грязно, но тамъ процвѣтали семейныя добродѣтели. Отецъ былъ патрiархомъ. Мать... (Кладетъ свою руку на руку фрау Самуэль.) жила только для своихъ дѣтей, а эти питали глубочайшую любовь къ своимъ родителямъ. Не осуждайте еврейскую улицу, наше старое Гетто, мой дорогой другъ! Это наша бѣдная родина!

Яковъ. Я не осуждаю! Я говорю только, что мы должны уйти изъ Гетто.

Фридгеймеръ (встаетъ) А я отвѣчу вамъ: мы не можемъ уйти! Если настоящее Гетто еще существуетъ, мы не должны оставить его безъ позволенія, - подъ страхомъ потерять жизнь. Теперь стѣны и преграды невидимы, какъ вы говорите. Но и это моральное Гетто - свыше предопредѣленное намъ состояніе. Горе тому, кто хочетъ вонъ! (Идетъ.)

Фрау Самуэль (кладетъ руки на грудь) Праведный Боже!

Яковъ (провожаетъ Фридгеймера до двери, другіе съ почтеніемъ образуютъ проходъ.) Г. докторъ, эти преграды мы должны уничтожить инымъ способомъ, чѣмъ тѣ старыя. Внѣшнія преграды должны быть уничтожены внѣшними средствами, внутреннія мы должны уничтожить сами! Мы сами! Своими усиліями!

Фридгеймеръ (пожимая плечами, спѣшитъ къ выходу, дружески наклоняя голову въ сторону окружающихъ)

Бихлеръ (къ Францу, оставаясь впереди.) Ну, что скажете вы, христіанинъ?

Францъ (задумчиво.) Это другой міръ! (Идетъ съ Бихлеромъ въ глубину.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Кабинетъ Якова Самуэля. Главный входъ посрединѣ. Направо и налѣво двери. По стѣнамъ шкафы съ книгами. Направо впереди окно. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ окна большой письменный столъ, на которомъ горитъ лампа.

1 Явленіе.

Яковъ, затѣмъ Францъ.

Яковъ (сидитъ у стола, думаетъ, пишетъ, справляясь съ книгами).

Францъ (входитъ, подавленнымъ голосомъ). Здравствуй, Яковъ!

Яковъ (удивленно) Францъ! (Встаетъ и здоровается) Чего это ты такъ рано?

Францъ (улыбаясь) Оно и не такъ-то рано! Десять часовъ.

Яковъ (смотритъ на свои часы). Правда! Я открою. (Идетъ къ окну и, поднявъ занавѣсъ, съ минуту смотритъ за окно.) Какъ ярко свѣтитъ солнце!

Францъ (берется за лампу.) Потушить?

Яковъ Пожалуйста.

Францъ (тушитъ.) Давно ты всталъ? (Садится).

Яковъ. Въ пять часовъ. Теперь я каждый день встаю такъ рано?

Францъ. Да? У тебя теперь больше дѣлъ?

Яковъ Какъ у адвоката, нѣтъ. Напротивъ, эти дѣла у меня идутъ плохо. (Ходитъ взадъ и впередъ.)

Францъ. Дорогой другъ, и я тоже могу въ каждую данную минуту запереть свою канцелярію

Яковъ (стоя передъ нимъ) Да, но ты холостъ, - тебѣ немного нужно. Тогда какъ мнѣ! Семья приноситъ особыя заботы. Не хочется во всемъ отказывать молодой женѣ - и черезъ полъ-года всего послѣ свадьбы. Вотъ и дѣлаешь долги.

Францъ. Ну-у? И они тебя, конечно, гнетутъ?

Яковъ. Порядочно.

Францъ. Послушай, я недавно получилъ маленькое наслѣдство - 3000 гульденовъ. Я могу занять ихъ

Яковъ. Серьезно? Ты и не подозрѣваешь, какое ты дѣлаешь мнѣ одолженіе! Обращаться къ отцу я не хочу, - изготовленіемъ часовъ онъ зарабатываетъ теперь немного. Мнѣ нужно было-бы обратиться къ моему богатому свояку Гейнбергу, а это...

Францъ (киваетъ) Тебѣ противно!

Яковъ. Онъ очень любезенъ, каждую минуту предлагаетъ мнѣ свои услуги, но я не знаю... Коротко и ясно - отъ тебя я охотнѣе прим всякое одолженіе.

Францъ. И такъ, рѣшено, ты получишь деньги еще сегодня, до обѣда.

Яковъ. Великолѣпно. Однако, послушай, что же это такое: Францъ - заимодавецъ Якова! Знаешь, моя всегдашняя мечта, чтобъ христіане давали евреямъ деньги подъ настоящіе „жидовскіе" проценты!

Францъ (смѣется). Ну, я-бы не бралъ такихъ

<u>Яковъ</u> (тоже смѣется). И я такъ думаю! (Пожимаетъ руку) Теперь, дружище, работа пойдетъ впередъ, - разъ голова у меня будетъ свободна отъ этихъ пошлыхъ денежныхъ заботъ.

<u>Францъ</u> (указывая на работу) Что это ты дѣлаешь? Пишешь?

<u>Яковъ</u> Да, нѣчто большое, Францъ, нѣчто великое!. Ты знаешь, въ послѣднее время я занялся изученiемъ экономическихъ вопросовъ. Многое я узналъ близко и основательно, какъ юристъ - практикъ. Я прозрѣлъ относительно многаго, что такъ осложняетъ нашу жизнь въ соцiальномъ отношенiи. Я пишу о роли капитала.

<u>Францъ</u> (добродушно) Ого-го! Ты не задумалъ-ли истребить его?

<u>Яковъ</u> Не то. Культура связана съ капиталомъ слишкомъ прочными узами, а прилежанiе, бережливость, духъ изобрѣтательности, инициатива должны получить свое вознагражденiе. Но только все въ извѣстныхъ границахъ.

<u>Францъ</u>. Такъ. Гдѣ-же эта граница?

<u>Яковъ</u> Ее то я и ищу.

<u>Францъ</u> (смѣясь) Вотъ какъ!

<u>Яковъ</u>. Найти ее возможно. Посмотри сюда, я основательно изучилъ нѣсколько родовъ промышленности... Моральныя теченiя входятъ зачастую въ новые берега. То, что вчера считалось честнымъ, сегодня можетъ таковымъ не считаться. Вотъ и урегулирую это

теченіи, выравняемъ берега!.. Я хочу тебѣ, моему другу, высказать свои, хотя только наполовину созрѣвшія мысли...

Францъ (встаетъ) Стой, погоди. Ты не долженъ этого дѣлать!

Яковъ. Какъ? Почему?

Францъ (смущенно опускаетъ глаза) Потому что мы должны разойтись съ тобою!

Яковъ. Не понимаю....

Францъ. Я хочу съ тобой разстаться. Я потому и пришелъ къ тебѣ.

Яковъ (сильно волнуясь) Францъ!

Францъ. Мнѣ очень больно, но (твердо) иначе я не могу!

Яковъ. Что случилось?

Францъ. Въ твоемъ положеніи произошла перемѣна. Ты примкнулъ къ другой средѣ, - тебя окружаютъ такія лица. И твое новое общество съ которымъ я не могу сойтись. Эти Рейнберги, этотъ Вассерштейнъ и другіе, какъ ихъ тамъ всѣхъ зовутъ... Не обижайся, другъ, но я ихъ не выношу! Они не въ моемъ духѣ, - а, бывая у тебя, я избѣжать ихъ не могу. Послѣ того какъ ты женился, у тебя - то и дѣло застаешь одного изъ этихъ.. Понятно, они у тебя свои люди. Ты въ этомъ не виноватъ, - и все-таки я иногда злюсь на тебя. На тебя! Я сознаю, что это несправедливо и, - видишь-ли, - я потому и хочу отрѣчься отъ тебя. Не такъ - пустыми размолвками, стыдясь и уклоняясь отъ своихъ намѣреній, создавая недоразумѣнія, -

а сразу! Въ душѣ - я буду расположенъ къ те-
бѣ попрежнему и въ каждой бѣдѣ отнесусь
къ тебѣ также, какъ и ты ко мнѣ, я это знаю.
Но знакомству нашему конецъ! Дай мнѣ
свою руку!

Яковъ (подавая ему руку.) Спасибо за искрен-
ность, Францъ! Ты, конечно, хорошо обдумалъ
это прежде, чѣмъ рѣшился причинить мнѣ
такое глубокое горе. Благодарю тебя за твою
крѣпкую, добрую дружбу въ теченіи столькихъ
лѣтъ! Я многому научился у тебя.

Францъ (съ скрытымъ волненіемъ) Ты смѣешь-
ся? Ты у меня?

Яковъ. Да! И не зная этого еще хорошенько, я
научился у тебя большому и малому. Инто-
націямъ, выраженіямъ, манерамъ. Какъ скло-
няться безъ униженія и возноситься безъ
надменности, и многому, многому другому

Францъ. Полно! Не такой я образецъ!

Яковъ. Говоря откровенно, я всегда преклонял-
ся предъ твоей семьей, точно также, какъ ты,
вотъ теперь, презираешь мою семью.

Францъ. Я тебѣ этого не говорилъ!

Яковъ. Погоди. Вы въ продолженіи нѣсколькихъ
столѣтій были свободными гражданами,
а мы... (Горько улыбается). Если я отошелъ на
нѣкоторое разстояніе отъ еврейскихъ улицъ,
то только опираясь на твою руку. О, теперь,
конечно, я могу идти дальше одинъ! И, - бу-
дешь-ли, дорогой мой Францъ, - такъ какъ

мы въ последній разъ говоримъ съ тобою по душѣ, — я тоже хочу кое-что дать тебѣ на дорогу. Ты сдѣлался адвокатомъ потому, что всѣ Вурцлихнеры всегда были въ Вѣнѣ адвокатами или врачами. Вотъ такъ и Вассерштейнъ, — онъ то, чѣмъ были его предки, т. е. то, чѣмъ его предковъ сдѣлала судьба. Это не его вина. Это не твоя заслуга. Нравственное чувство является позже, а именно — при сознаніи, въ борьбѣ съ инстинктами. А насъ даже не природа сдѣлала нѣмъ, чѣмъ мы есть, а исторія. Силой вы заставили насъ обратиться къ деньгамъ, а теперь мы должны, такъ, вдругъ, отказаться отъ нихъ?! Сперва вы насъ тысячилѣтіе держали въ рабствѣ, а затѣмъ мы должны въ одинъ день сдѣлаться и духовно свободными? А кто-же у насъ вообще свободенъ духовно? Не ты-ли?.. Да! Мы не смѣемъ имѣть даже тѣ общечеловѣческіе недостатки, которые есть у каждаго, — иначе мы презрѣнные жиды!

<u>Францъ</u> (съ горечью) Яковъ!

<u>Яковъ.</u> Между нами все кончено, Вурцлихнеръ! И если ты теперь предложишь мнѣ на выборъ, съ кѣмъ мнѣ идти — съ тобою или съ Вассерштейномъ, — то мой выборъ уже сдѣланъ. Я пойду съ Вассерштейномъ, — все равно богатъ онъ или бѣденъ! Я, пойми это, ни въ чемъ не могу его упрекнуть, точно такъ, какъ мнѣ не за что хвалить тебя! Каждый выглядитъ такъ, какъ его поставила исторія. Но нужно идти дальше!

Понимаешь? Дальше, выше! И вотъ, тогда только станешь человѣкомъ!

<u>Францъ (потрясенный)</u>. Яковъ, вѣрь мнѣ, — я не могу иначе. Если бъ ты только зналъ все. Я долженъ сдѣлать политическую карьеру...

<u>Яковъ</u>. Вотъ какъ! Антисемитъ? Поздравляю.

<u>Францъ</u>. Будь справедливъ. Пойми и мое положеніе: не могу-же я самъ дать въ руки своимъ противникамъ такое оружіе, какъ-то, что я близокъ съ евреями, съ ихъ биржевыми дѣльцами! Сейчасъ-же скажутъ, что я еврейскій наемникъ.

<u>Яковъ (мягко)</u> И то правда. И ты правъ!

<u>2 Явленіе.</u>

<u>Тѣ-же, Самуэль, жена его (изъ середины).</u>

<u>Фрау Самуэль</u>. Добраго утра!

<u>Яковъ (спѣшитъ ей навстрѣчу)</u> Матушка!

<u>Фрау Самуэль.</u> А, г. Францъ!

<u>Францъ</u>. Какъ поживаете, сударыня? Какъ нашъ папаша?

<u>Фрау Самуэль</u> Слава Богу, хорошо. А вы?

<u>Самуэль</u>. Что значитъ друзья! Оба всегда вмѣстѣ! Какъ это прекрасно!

<u>Фрау Самуэль</u>. Яша, когда говоритъ о васъ, переполненъ сердечнымъ восторгомъ.

<u>Францъ (смущенно)</u> Да, да! Итакъ, мнѣ уже пора..

<u>Фрау Самуэль</u>. Мы помѣшали?

<u>Францъ</u>. Какъ могло это придти вамъ въ голову!

<u>Яковъ.</u> Онъ собрался ужъ уходить.

Францъ. Всего лучшаго! Имъю честь... (Направляется къ выходу.) Прощай, дружище!

Яковъ. Прощай! (Идетъ за нимъ)

Францъ (тихо) Деньги я тебъ пришлю сейчасъ-же.

Яковъ. Какія деньги?

Францъ. Ну, вотъ, эти 3000 гульденовъ.

Яковъ. Благодарю, я не нуждаюсь въ нихъ.

Францъ (пораженный) Но, въдь, ты въ затрудненіи....

Яковъ. Мои затрудненія тебя больше не касаются.

Францъ (съ досадой). Я дуракъ! Я могъ подумать, что ты теперь возьмешь ихъ у меня!.. Хотя будь разсудителенъ, — въдь это отъ меня!

Яковъ (безмолвно отклоняетъ это жестомъ.)

Францъ. И именно сегодня дернула меня нелегкая сказать тебъ! Успълъ бы черезъ недълю

Яковъ (ласково). Нътъ, тогда было-бы поздно.. (твердо). Потому что для меня никакое затрудненіе не было-бы тягостнъе, какъ быть твоимъ должникомъ.

Францъ (огорченный.) Прощай, Самуэль! (Уходитъ.)

Яковъ. Прощай, Вурцлехнеръ!

3 Явленіе.

Яковъ, супруги Самуэль.

Фрау Самуэль (пытливо заглядывая въ лицо сына) Съ тобою случилось что-то непріятное?

Яковъ (принужденно весело.) Ничего, матушка.

Ничротишь, я очень веселъ.

Самуэль. Ахъ, мать, чего ты только не видишь! Посмотри на него сейчасъ.

Фрау Самуэль. Онъ выглядитъ усталымъ. Гермина права.

Яковъ (смѣется). Что? Она вамъ на меня нажаловалась?

Фрау Самуэль. Да, ты слишкомъ ужъ много работаешь.

Самуэль. Мы потому и пришли.

Фрау Самуэль. Яша, ты, вѣдь, единственное, что у насъ есть на свѣтѣ. Не насилуй такъ себя, дитя мое. Гермина говоритъ, что ты много трудишься. Если ты, не дай богъ, заболѣешь....

Яковъ (весело). Ахъ она клеветница!. Ну, погоди-же мнѣ! (Спѣшитъ направо.) Гермина!

4. Явленіе.

Прежніе, Гермина.

Гермина (справа). Вы здѣсь! Здравствуйте! (Обнимаетъ фрау Самуэль.)

Яковъ (скрестивъ руки). Что я узналъ? Ты на меня жалуешься!

Гермина. Да, потому что ты изнуряешь себя работой... Меня онъ не слушается; поэтому я васъ и призвала на помощь.

Самуэль. Настоящая тревога!

Яковъ. Въ этомъ нѣтъ ни слова правды.

Фрау Самуэль. Нѣтъ, нѣтъ, и я нахожу, что ты изнуренъ. Я это замѣтила при входѣ.

Яковъ. Нѣтъ, этому была другая причина...

говорилъ его языкомъ, думалъ его мыслями. А онъ оставилъ меня!..

Фрау Самуэль. Но, дитя мое, если ты самъ измѣнилъ себя, то не имѣешь права жаловаться, если другіе тебѣ измѣнили.

Яковъ. Ты права, матушка! Права, какъ и всегда!

Самуэль. Еще бы нашъ философъ! Ну, теперь идемъ! Часъ уже, какъ я ушелъ изъ магазина.

Гермина. Побудьте еще!

Фрау Самуэль. Намъ нужно, дитя мое. Приказчикъ не долженъ такъ долго оставаться одинъ.

Самуэль. Если онъ позволитъ себѣ что нибудь дурное, покупатели скажутъ на меня, что я жидъ - обманщикъ.

Фрау Самуэль. Такъ ты обѣщаешь мнѣ, Яша, что не будешь больше переутомлять себя?

Яковъ. Да, матушка. (Цѣлуетъ ее)

Фрау Самуэль. Смотри мнѣ за нимъ.

Гермина (Цѣлуетъ ей руку.) Будь въ этомъ увѣрена, maman, - лишь-бы онъ только меня слушался.

Самуэль (кладетъ Герминѣ руку на голову.) Слава Богу и за это. (Уходитъ съ женой черезъ среднюю дверь въ сопровожденіи дѣтей, которые возвращаются).

5 Явленіе.

Яковъ, Гермина.

Яковъ (вздыхая). Право, не стоитъ работать

Л.6.

Если онъ могъ разорвать со мной такія узы... (Бросается въ кресло). Не знаю, но мнѣ кажется, что я сталъ бѣднѣе.

Чермина. Все потому, что тебя оставилъ г. докторъ Вурцлехнеръ? (Садится къ нему.)

Яковъ. Видишь-ли, я чувствую, что этого я никогда не забуду! Что-то тамъ у меня сломалось, - такое, что не можетъ склеиться... Представь, если-бы у человѣка внутри была рана, которая растравлялась при каждомъ движеніи.. Еслибъ ты не двигался больше, то она можетъ быть и зажила бы, но тогда ты былъ бы мертвъ. (Маленькая пауза)

Чермина. Сестра просила, чтобъ я тебя предупредила, - у тебя будетъ Рейнбергъ.

Яковъ. Да?

Чермина. Онъ будетъ къ одиннадцати часамъ.

Яковъ. Хорошо.

Чермина. Ты совсѣмъ не ласковъ съ нимъ.

Яковъ (разсѣянно) Я? Это тебѣ только такъ кажется.

Чермина. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ всегда старается сблизиться съ тобою, а ты съ нимъ холоденъ.

Яковъ. Можетъ быть. Да, возможно. Но я ничего не имѣю противъ него. Только онъ не моего круга, - совсѣмъ другая атмосфера. Съ этимъ трудно сыкнуться. Друзья, съ которыми я жилъ до сихъ поръ, были совсѣмъ другіе...

Чермина (слегка насмѣшливо.) Разскажи-ка

о своихъ друзьяхъ...

Яковъ. Ты совершенно права. (горько смѣется).
Они отталкиваютъ меня, знать меня не хотятъ... Этотъ былъ лучшій между ними!
И онъ могъ такъ поступить со мною! А! Смѣяться или плакать. Прочь, жидъ! Назадъ въ Гетто!

Гермина. Сейчасъ, мнѣ кажется, ты преувеличиваешь....

Яковъ. Нѣтъ. Гетто - это та отчужденность, которой я не хочу, которая меня оскорбляетъ и которую я долженъ сносить!

Гермина. И сноси, будь разсудителенъ!

Яковъ. Ну, да, - все представлялось мнѣ иначе.

Гермина. Если они тамъ не цѣнятъ тебя, то за то у насъ ты имѣешь значеніе. Посмотри, какъ всѣ мои расположены къ тебѣ. Съ какимъ уваженіемъ они отзываются о твоемъ талантѣ, о твоемъ характерѣ. Тебѣ этого недостаточно?

Яковъ (улыбаясь) Такъ и быть должно.

Гермина. Рейнбергъ сильно разсчитываетъ на тебя, - не будь же рѣзокъ. Ты самъ теперь знаешь, какъ пріятно быть отвергнутымъ.

Яковъ. Однако, какъ ты умѣешь защищать.

Гермина. И если бъ ты чего нибудь захотѣлъ отъ него...

Яковъ. Я ничего не хочу отъ него.

Гермина. Ахъ, Жакъ, не будь такимъ! Подумай, какое ты бы могъ доставить мнѣ удовольствіе.

Яковъ. Льстивый ты котенокъ!

Гермина. И если ты къ нему обратишься, чтобъ онъ тебѣ помогъ теперь...

Яковъ (смущенно) Ты знаешь?

Гермина. Я угадала это, когда ты отказалъ мнѣ въ осеннемъ туалетѣ.

Яковъ. По неволѣ.

Гермина. Скажи ему слово — и у тебя будетъ все, что тебѣ нужно.

Яковъ. И все, что нужно тебѣ.

Гермина. Будь милымъ.

Яковъ. Ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь... (Стучатъ) Войдите!

6 Явленіе

Яковъ, Гермина, Рейнбергъ, Вассерштейнъ.

Рейнбергъ (входя). Можно?

Гермина. Фрицъ! (Спѣшитъ на встрѣчу)

Вассерштейнъ (хорошо одѣтый, въ новомъ цилиндрѣ, держится спокойно и увѣренно.) Честь имѣю, сударыня.

Гермина (улыбаясь) Смотрите, г. Вассерштейнъ здѣсь.

Вассерштейнъ. Да, я собственной персоной. (Про себя). Она всегда приводитъ меня въ смущеніе.

Гермина (тихо, Рейнбергу) Онъ тебя всюду сопровождаетъ?

Рейнбергъ (тихо, улыбаясь) Конечно! Онъ мнѣ нуженъ.

Вассерштейнъ (почтительно поклонившись Якову въ сторону) Она смѣется надо мной, — ваша супруга, всегда смѣется надо мной.

Яковъ (улыбаясь, хлопаетъ его по плечу.) Ну, что вы тамъ выдумываете?

Вассерштейнъ. Мнѣ кажется, что я, просто, дѣйствую на ея слезотворные мускулы...

Рейнбергъ (оборачивается къ Якову. Рукопожатіе. Они уходятъ вглубь.)

Ирмина (садится впереди слѣва).

Вассерштейнъ (приближается къ ней.)

Яковъ (вполголоса, Рейнбергу.) Мнѣ это очень непріятно, а потому я скорѣе скажу тебѣ.

Рейнбергъ. Говори. (Тихо продолжаютъ говорить.)

Вассерштейнъ. Красивый какой на васъ капотъ.

Ирмина (смѣется). Вы находите?

Вассерштейнъ (про себя). Удивительно, чтобы я не сказалъ, она все смѣется.

Рейнбергъ (вынимаетъ свой бумажникъ.) Того, что со мною есть, не хватитъ... (Оборачивается) г. Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Что, г. Рейнбергъ.

Рейнбергъ. Можете вы занять мнѣ 1½ тысячи гульденовъ?

Вассерштейнъ. Могу-ли я? (Вынимаетъ изъ кармана жилета комокъ банковыхъ билетовъ, беретъ изъ нихъ нѣсколько и подаетъ ему.) Что за вопросъ?

Рейнбергъ. Я возвращу ихъ вамъ черезъ полчаса, г. Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ (величественно.) Не къ спѣху, г. Рейнбергъ. (Искоса поглядываетъ на Ирмину, чтобы

узнать впечатленіе).

Рейнбергъ. Герминочка, намъ надо поговорить о дѣлахъ.

Гермина (встаетъ). Значитъ, я должна?. (Проходя, тихо Рейнбергу.) Жаль, я могла-бы немного посмѣяться надъ Вассерштейномъ.

Рейнбергъ (также). Почтеніе! Онъ въ одну недѣлю заработалъ на углѣ 100 тысячъ гульденовъ!

Гермина. Это тебя импонируетъ? (Идетъ къ Якову, который прячетъ деньги Рейнберга). Жакъ!

Яковъ. Ну?

Рейнбергъ (подходитъ къ Вассерштейну.)

Гермина. Не дашь ли ты мнѣ изъ нихъ?

Яковъ (даетъ ей деньги) Вотъ.

Гермина. И ты не сердишься на меня за страсть къ нарядамъ?

Яковъ (улыбаясь.) Расточительница!

Гермина. У меня великолѣпная идея насчетъ моего зимняго платья. Шотландское съ краснымъ, ты удивишься. (Смѣясь, уходитъ направо.)

7 Явленіе

Яковъ, Вассерштейнъ, Рейнбергъ.

Яковъ (вполголоса Рейнбергу.) Я надѣюсь, что скоро смогу уплатить тебѣ. Ты дашь мнѣ три мѣсяца?

Рейнбергъ. Милый мой Жакъ, ты мнѣ вообще ихъ и не станешь возвращать.

Яковъ. Ого!

Рейнбергъ. Эти деньги авансъ въ счетъ той суммы, которую ты у меня заработаешь.

Яковъ (подозрительно) Въ качествѣ адвоката?

Рейнбергъ. Да! Зарабатывать и давать зарабатывать! - вотъ мой девизъ. Я хочу жить, тебѣ надо жить....

Вассерштейнъ. Чтобъ мы всѣ жили и были здоровы.

Рейнбергъ. Я объясню тебѣ, въ чемъ гешефтъ.

Яковъ. Я никакихъ гешефтовъ не дѣлаю.

Рейнбергъ. Дашь ты мнѣ договорить? Садись къ своему письменному столу, - кое что тебѣ надо будетъ записать, чтобъ потомъ составить договоръ.

Яковъ (успокоенный). А, договоръ! (Садится)

8 Явленіе.

Прежніе, Разсыльный.

Разсыльный (изъ среднихъ дверей). Г. докторъ, васъ желаетъ видѣть какой-то человѣкъ.

Яковъ. Кто такой?

Разсыльный. Вэдникъ или Вэндикъ, словакъ.

Яковъ. Не знаю такого. Попросите подождать.

Разсыльный. Хорошо. (Уходитъ.)

Яковъ (Рейнбергу.) И такъ, къ дѣлу.

Рейнбергъ (по ораторски.) Ты, быть можетъ, слыхалъ? - Настала великая угольная эпоха.

Вассерштейнъ. Грандіозная!

Рейнбергъ. Я былъ первымъ, который здѣсь использовалъ ее.

Вассерштейнъ. А я вторымъ

Рейнбергъ (внушительно.) Пожалуйста, г. Вассерштейнъ, не прерывайте меня. (Къ Якову.) Еще прежде, чѣмъ кто ни-

будь подумалъ объ угольныхъ операціяхъ, я въ такой скупилъ массу акцій, при чемъ, черезъ г. Вассерштейна, я приказалъ продавать ихъ съ возможно большимъ шумомъ. Всѣ и попались у меня.

Вассерштейнъ. Только не я. Что же, осёлъ я, г. Рейнбергъ!

Рейнбергъ (съ почтеніемъ) О, нѣтъ, г. Вассерштейнъ! (Къ Якову.) Кромѣ того, черезъ Шромма я обезпечилъ себѣ Дубницкую копь.

Яковъ (мучительно задѣтый) Ротмистръ Шроммъ?

Рейнбергъ. Да. Но съ Шромовской копью особое обстоятельство. Старикъ Шроммъ былъ простымъ лайбахскимъ мѣщаниномъ и разбогатѣлъ на Дубницкой копи; когда онъ умеръ, ему наслѣдовали двое дѣтей. Сынъ его - дворянинъ и дочь замужемъ за дворяниномъ. У сына - дорого стоющая скаковая конюшня, а зять, графъ Волькенау, проигрываетъ въ карты то, что оставляютъ ему балетныя танцовщицы. Такимъ образомъ, въ теченіи десяти лѣтъ они изъ рудника только то и дѣлали, что брали деньги, а въ него ничего не вкладывали. Плохая администрація, старыя машины, хищническая разработка, - все, что хочешь. Короче, рудникъ запущенъ совершенно, но онъ приноситъ еще много.

Яковъ. Понимаю. Ты долженъ снова наладить дѣло.

Рейнбергъ (удивленно) Я?..

Вассерштейнъ. Какъ онъ пришелъ къ такому выводу?

Рейнбергъ. Я хочу сдѣлать изъ Рудницкой копи акціонерное общество. Минута вполнѣ благопріятная. Всѣ набрасываются теперь на угольныя акціи. Ротмистръ-же былъ бы очень радъ, если бы могъ отдѣлаться отъ своего рудника.

Яковъ. Почему такъ радъ? Ты говоришь, что онъ приноситъ много?

Рейнбергъ. Да, да, - но онъ долженъ будетъ вложить туда много денегъ, если пожелаетъ удержать доходъ. Рудникъ страшно запущенъ. Штука совсѣмъ скверная. Сегодня не примешь мѣръ, завтра тогда обойдется это вдвое, а послѣ завтра - вчетверо. Если бы теперь онъ вздумалъ сдѣлать всѣ необходимыя исправленія, то долженъ былъ-бы продать свою скаковую конюшню. А у него, кромѣ того, долги. Тоже самое и у Волкенау. Вотъ почему они хотятъ, чтобы я основалъ акціонерное общество для эксплоатаціи этого рудника.

Яковъ. Они къ тебѣ сами обратились?

Рейнбергъ. Конечно, меня знаютъ.

Яковъ. Но при чемъ-же тутъ я?

Рейнбергъ. Ты выработаешь намъ уставъ этого акціонернаго предпріятія.

Яковъ. Ротмистръ Шроммъ знаетъ объ этомъ? Ты назвалъ мое имя?

Рейнбергъ. Конечно.

Яковъ. И онъ ничего не возразилъ?

Рейнбергъ. Нѣтъ.

Вассерштейнъ. А что жъ-бы онъ могъ возразить?

Яковъ. Я думаю то, что такъ какъ я твой родственникъ, то могу больше думать о твоей выгодѣ, чѣмъ о его.

Рейнбергъ. Да, но онъ, вѣдь, все провѣритъ черезъ своего адвоката.

Яковъ. Вѣрно!.

Рейнбергъ. Все ясно! Капиталъ - три милліона. Штроммъ, Волькенау и я образуемъ синдикатъ. Каждый получаетъ треть акцій.

Яковъ. Ты также? За что же ты получаешь треть?

Рейнбергъ. За деньги, за хорошія деньги! Я заплачу наличными милліонъ, въ томъ разсчетѣ, что получу на него хорошій кушъ.

Яковъ. Отъ чего-же зависитъ ихъ цѣнность?

Рейнбергъ. Отъ курса, который установится на биржѣ.

Вассерштейнъ. Я вамъ это объясню, г. докторъ. Вижу, что на биржѣ вы не у себя дома.

Яковъ (улыбаясь) Нѣтъ.

Вассерштейнъ. Замѣчательно! И такъ, слушайте: Рейнбергъ получитъ отъ Штромма и Волькенау за свой трудъ....

Яковъ. За какой это трудъ?

Вассерштейнъ. За то, что пуститъ въ ходъ акціи.. Вы думаете, это легкая штука?.. И такъ, онъ, значитъ, получитъ за свой трудъ - право на полученіе одной трети акцій.

Рейнбергъ. На 2000 штукъ по 500 гульденовъ.

Вассерштейнъ. Акціи будутъ введены... те-

перь, - слѣдите за мною, г. докторъ, - если акціи поднимутся, Рейнбергъ ихъ принимаетъ, если онѣ падутъ, - Рейнбергъ ихъ не принимаетъ.

Рейнбергъ. Но я долженъ объявиться въ теченіи двухъ недѣль послѣ того, какъ акціи будутъ пущены въ обращеніе. Поднимутся онѣ на 50 гульденовъ, - я заработаю 50 умноженное на 2000.

Вассерштейнъ. Другими словами - сто тысячъ гульденовъ!

Рейнбергъ. Упадутъ онѣ на одинъ гульденъ, я не приму ихъ, я ничего не заработаю, но и ничего не потеряю.

Вассерштейнъ. Шромсъ сдѣлалъ хорошій гешефтъ.

Рейнбергъ. Моя помощь ничего ему не будетъ стоить. Мой заработокъ падетъ на биржу, а онъ получитъ 3 милл. за Дубницъ, который не стоитъ и двухъ.

Яковъ. Но только тогда, когда акціи будутъ помѣщены на биржѣ?

Вассерштейнъ. Это конечно. Но нынче дерутся изъ-за гнильныхъ акцій! Что вы сдѣлали такое лицо, г. докторъ?

Яковъ. Я совсѣмъ не желаю скрывать мое мнѣніе, - я противъ подобныхъ дѣлъ!

Вассерштейнъ. Что значитъ противъ?

Рейнбергъ. А, такъ! ты врагъ биржи?

Яковъ (спокойно.) Нѣтъ, я не врагъ. Я понимаю значеніе этого учрежденія. Биржа доставляетъ государству средства для выпол-

ненія его сложныхъ задачъ, — она строитъ дороги, создаетъ благодѣтельныя предпріятія, избытокъ богатыхъ странъ помѣщаетъ въ странахъ бѣдныхъ....

Вассерштейнъ (одушевляясь). Грандіозно! Этого я совсѣмъ не зналъ!

Яковъ (улыбаясь). Да, г. Вассерштейнъ, вы сами не знаете, сколько вы приносите пользы и сколько вреда.

Вассерштейнъ. Какъ-же я приношу вредъ, если приношу вредъ, если приношу пользу.

Яковъ. Прежде всего, вы вредите самому себѣ.

Вассерштейнъ. Позвольте, я теперь въ выигрышѣ.

Яковъ. Вы меня не понимаете? Вы вредите намъ, евреямъ. Эти большія денежныя перемѣщенія губятъ не только капиталы, но и людей. А жертвы биржи обвиняютъ евреевъ въ постигшей ихъ неудачѣ. Мало кто такъ проницателенъ, чтобы понимать причинную связь вещей. Люди видятъ только людей... Поэтому я скорблю, когда мои близкіе прикосновенны къ биржевому ажіотажу.

Рейнбергъ (язвительно Вассерштейну). Пойдемте, я ликвидирую свои дѣла... послѣ такой проповѣди.

Яковъ. Я никого не укоряю.

Рейнбергъ. Скажи просто, что ты не хо-

чимъ возиться съ моимъ дѣломъ. Я возьму себѣ другого адвоката.

Яковъ. Стой! Этого я не хочу.

Вассерштейнъ (осклабившись, тихо Рейнбергу). Онъ не упуститъ своего заработка.

Яковъ. У меня своя причина, частная, привести твои дѣла съ Шроммомъ въ порядокъ.

Рейнбергъ. Отлично.

Яковъ. Онъ долженъ видѣть, что имѣетъ дѣло съ порядочными людьми.

Рейнбергъ. Шроммъ это знаетъ.

Яковъ. Которые не захотятъ обобрать его.

Рейнбергъ. Вѣрно.

Яковъ. И я на этомъ буду твердо стоять!

Рейнбергъ (подаетъ ему руку). Рѣшено.

Вассерштейнъ (смотритъ на часы). Ай, ради Бога!

Рейнбергъ. Что случилось?

Вассерштейнъ. Биржевой часъ! Развѣ нѣтъ у насъ другихъ заботъ, кромѣ философствованія? Я иду. Мое призваніе быть биржевикомъ. Если вы еще хотите остаться, какъ знаете, — я-же стою на горячихъ угляхъ, что купилъ... Прощайте, г. докторъ! (Быстро уходитъ.)

Рейнбергъ. Г. Вассерштейнъ, постойте! (Кивая Якову и спѣшитъ къ выходу.)

9 Явленіе.

Яковъ, разсыльный, Ведникъ.

Яковъ (одинъ). Я буду слѣдить, чтобъ съ Шроммомъ ничего не случилось. (Садится къ пись-

менному столу.)

Разсыльный. Пустить этого человѣка?

Яковъ. Ахъ, да! Понятно! Сейчасъ-же!

Разсыльный (открываетъ среднюю дверь, дѣлаетъ Ведникy знакъ войти; и затѣмъ самъ уходитъ.)

Ведникъ (помускамьченный работой, смущенный, неувѣренный, вертитъ въ рукахъ шляпу.)

Яковъ (ласково.) Что вамъ угодно?

Ведникъ. Они прислали меня сюда, наши рабочіе изъ Дубника.

Яковъ (слушаетъ съ возрастающимъ вниманіемъ.) Откуда?

Ведникъ. Изъ Дубника - это рудникъ.

Яковъ. Г. фонъ-Шролима?

Ведникъ. Да, сударь!

Яковъ. Садитесь.

Ведникъ. Я Ведникъ-Петръ, прислали меня потому, что я хорошо говорю по нѣмецки. Намъ плохо, очень плохо, - рѣшили поэтому спросить вѣнскаго присяжнаго адвоката. Назвали васъ, потому что вы защищаете дѣла рабочихъ. Въ нашей кассѣ только нѣсколько гульденовъ. (Боязливо и осторожно.) Что много будетъ стоить?

Яковъ. Моя помощь? Она ничего не стоитъ.

Ведникъ (облегченно.) Хорошо, сударь! Намъ уже говорили, что у васъ ничего не стоитъ. Мы и то уже потратились на мое путешествіе. Стоитъ семь гульденовъ - весь недѣльный

заработокъ... Я сказался больнымъ. Часто я болѣю (вызывающе) потому и вѣрятъ, никто не пойдетъ на провѣрку въ Старый Дубникъ. Управляющій не долженъ знать, что я поѣхалъ, иначе все пропало.

Яковъ. Отъ меня никто объ этомъ не узнаетъ.

Ведникъ. Злой человѣкъ - нашъ управляющій, жестокій съ нами - прежестокій! Изъ-за пустяковъ - штрафы, разсчеты. Голодаютъ послѣ того дѣти, да и взрослые тоже.

Яковъ. Вы жаловались уже г. фонъ-Шрамму?

Ведникъ (слабо улыбаясь) Не идетъ это... Баринъ пришлетъ пе-ти-цію обратно управляющему, потому что вѣритъ ему одному, а тогда управляющій становится совсѣмъ дикимъ. Нельзя. Баринъ-то добрый, всегда деньги присылаетъ, если случится несчастье. Вотъ и я получилъ тогда 30 гульд., когда сломалъ руку, при спускѣ оборвался. Баринъ хорошій, нечего говорить, - вотъ управляющій тотъ дурной.

Яковъ. Милый другъ, вы должны мнѣ представить свое положеніе яснѣе, иначе я не могу посовѣтовать, помочь вамъ, или... (Вздыхая) Если вообще смогу помочь.

Ведникъ (почесываетъ себѣ голову.) Съ чего-же начать? Долженъ я встать въ 4 часа утра и 2 часа идти изъ Стараго Дубника до Дубника - рудника. Работа продолжается отъ 6-ти до 6-ти, а иной разъ и дольше. Затѣмъ снова 2 часа на

обратный путь въ Старо-Дубникъ.

Яковъ. И за это вы получаете?

Ведникъ. Гульденъ 12 крейцеровъ въ день. Я вѣдь, рудокопъ. Тачечники получаютъ гораздо меньше. Но мы жалуемся не на плату.

Яковъ. На что-же?

Ведникъ. Штрафы ужасные! Сейчасъ вычетъ въ 15-20 крейцеровъ изъ-за ничего.. Въ обѣденное время надсмотрщикъ не даетъ намъ четверти часа на ѣду... Кремензакомъ зовутъ надсмотрщика... (*Встаетъ взволнованно и грозитъ въ окно кулакомъ*). Собака презрѣнная!

Яковъ. Печально. Но что-же я могу сдѣлать?

Ведникъ. Кремензакъ еще хуже управляющаго. Кремензакъ насъ страшно торопитъ, при этомъ скверно ставятся подпорки, такъ какъ мы спѣшимъ, и потому все можетъ намъ обрушиться на головы.

Яковъ. Если я хорошо понимаю васъ, то недостаточно заботятся о безопасности рабочихъ?

Ведникъ. Такъ оно и есть! Не безопасно. Вентиляція плохая. Дерева для подпорокъ мало. Хуже всего Розамунда.

Яковъ. Кто это?

Ведникъ. Это, значитъ, шахта, - она такъ называется. Наше послѣднее несчастье было тоже въ Розамундѣ. Теперь тамъ немного исправили. Немного. Больше взрывать въ Розамундѣ не рѣшались. (*Тише, мрачно*) Тамъ можно только кирками работать. А теперь управляющій велитъ снова взрывать. Такъ

Мы можемъ когда нибудь всѣ тамъ остаться.

Яковъ (подымаясь). Ваша жизнь въ опасности?

Ведникъ (улыбаясь.) Каждый день. Мы жаловались управляющему, но онъ показалъ намъ приказъ хозяина: „взрывать"! Но, вѣдь, хозяинъ не знаетъ, что такое Розамунда, онъ, вѣдь, хорошій господинъ, но только никогда не пріѣзжаетъ въ Дубникъ. Теперь управляющій намъ сказалъ, что нужно побольше добывать угля такъ какъ хозяинъ хочетъ продать Дубникъ.

Яковъ (язвительно смѣясь.) О, да! Чтобъ показать сколько онъ приноситъ! (Возбужденно ходитъ взадъ и впередъ.) Дальше, дальше!

Ведникъ. Ничего болѣе. Все ужъ. Если въ Розамундѣ будутъ дѣлать взрывы, мы всѣ можемъ погибнуть. Но забастовать мы не рѣшимся. Идетъ зима. Мы поумирали-бы съ голоду и позамерзали.

Яковъ. Ужасно! Я еще не знаю, что сдѣлаю, но что нибудь да сдѣлаю. Положитесь на меня!

Ведникъ. Я сейчасъ долженъ ѣхать обратно. Что-же отвѣтить, сударь?

Яковъ. Когда идетъ поѣздъ?

Ведникъ. Въ семь часовъ вечера.

Яковъ. Ждите меня на вокзалѣ, — я помогу вамъ.

Ведникъ. Да воздастъ вамъ Господь сторицею, сударь! (Хочетъ поцѣловать ему руку.)

Л. З.

Яковъ (отстраняясь) Идите и ждите меня.

Ведникъ (уходитъ.)

10 Явленіе.

Яковъ, Германа)

Яковъ (послѣ ухода Ведника, выбрасываетъ изъ ящика на столъ деньги Рейнберга и кричитъ направо) Гермина! Гермина! (Когда она не идетъ, онъ бросается къ двери, распахиваетъ ее и кричитъ сильно.) Гермина!

Гермина (съ веселымъ видомъ.) Жакъ! Чего ты хочешь? (Замѣтивъ его возбужденіе). Что съ тобой?

Яковъ (хрипло) Давай сюда деньги!

Гермина. Что ты говоришь?

Яковъ. Деньги твоего зятя! 500 гульденовъ сюда ихъ!

Гермина (со слезами). Что съ тобою, Жакъ?

Яковъ. Живо! Сюда ихъ! Такія деньги не остаются въ моемъ домѣ! Я швырну ихъ ему назадъ! (Начиная сильно кипятиться) Жена! Дашь ты мнѣ эти деньги сію минуту?

Гермина (испуганно достаетъ билеты и, дрожа, подаетъ ихъ.)

Яковъ (мягче). Хорошо! (Кладетъ всѣ деньги въ конвертъ и заклеиваетъ его). Разсыльный доставитъ это твоему зятю еще до моего отъѣзда. Я уѣзжаю.

Гермина (еще не придя въ себя). Куда?..

Яковъ (съ угрозой протянувъ руку.) Въ Дубницъ!

Занавѣсъ.

Дѣйствiе третье.

Маленькiй салонъ у Рейнберга. Нѣтъ роскоши выскочекъ. Все скромно, но цѣнно. Настоящiе гобелены, изящная мебель-empire, не слишкомъ много предметовъ. Нѣсколько мраморныхъ и бронзовыхъ статуэтокъ, на мольбертѣ дорогая картина. Въ глубинѣ зимнiй садъ. Три двери.

1 Явленiе.

Вассерштейнъ, Герiина, Шарлотта (идутъ изъ зимняго сада. Полумракъ.)

Вассерштейнъ (чрезвычайно элегантно одѣтый, стоитъ въ дверяхъ и смотритъ назадъ) Я велю сдѣлать и у себя такой точно зимнiй садъ. Какъ это называютъ?- Пальмы, морфихи?

Шарлотта. Орхидеи.

Вассерштейнъ. Я пришлю сюда своего обойщика, если вы позволите, М-те Рейнбергъ?

Шарлотта. Лучше садовника.

Вассерштейнъ. Тоже могу! Но я все предоставилъ обойщику. Я сказалъ ему: устройте мнѣ шесть комнатъ.

Герiина (смѣется). Умѣститесь-ли вы въ нихъ?

Вассерштейнъ. Я человѣкъ скромный и не хочу устроиться, какъ „парвеню“: пусть стоитъ, что стоитъ. Онъ мнѣ составилъ смѣту.

Шарлотта. Много? (Нажимаетъ пуговку,- зажигается электричество.)

Вассерштейнъ (небрежно) Нѣтъ, 63,000 гульденовъ, считая картины и произведенiя искусства.

Мнѣ останется только переѣхать.

Шарлотта. Вы вѣрно хотите жениться, г. Вассерштейнъ?

Вассерштейнъ. Какъ это жениться? Если бы я хотѣлъ жениться, я взялъ-бы себѣ большую квартиру. Нѣтъ, мадамъ, Эмануилъ Вассерштейнъ не желаетъ больше жениться. (Смотритъ элегически на Германну.) Эмануилъ Вассерштейнъ любилъ разъ и больше любить не будетъ, — никогда! (Садится и закидываетъ ногу за ногу.)

Германна. Какъ это грустно звучитъ.

Вассерштейнъ (печально.) Да, такъ оно и есть. Что мнѣ теперь съ того, что мнѣ везетъ? Я могу только одно — окружить себя удобствами. А зачѣмъ? Неудачникъ я, вотъ что!

2 Явленіе.

Прежніе, Сира, затѣмъ Бихлеръ.

Сира (входитъ справа, - на немъ черный фракъ, бѣлый галстухъ.) Докторъ Бихлеръ здѣсь.

Шарлотта. Просите. А затѣмъ подайте чай.

Сира (исчезаетъ на минуту, затѣмъ возвращается вслѣдъ за Бихлеромъ, запираетъ зимній садъ и, наконецъ, приноситъ чай).

Вассерштейнъ. Я тоже хочу его инсультировать.

Германна. Кон...!

Вассерштейнъ. Какъ, какъ?

Германна. Консультировать.

Вассерштейнъ. Пусть будетъ консультировать.

Бихлеръ (сходя съ газетой въ рукахъ, коротко поклонившись) Съ дѣтьми ничего. Кто же боленъ?

Шарлотта. Я... (Приглашаетъ его знакомъ сѣсть.) Но теперь мнѣ уже лучше.

Бихлеръ (ворча) Съ тѣхъ поръ, какъ вы за мной послали? Всегда такъ. (Садится.)

Шарлотта. Да, у меня была мигрень... Теперь прошло.

Бихлеръ. Ну, пускай! Все-же я прихожу охотнѣе къ здоровымъ.

Вассерштейнъ (онъ продолжаетъ сидѣть.) Вотъ это мнѣ нравится! Вотъ это докторъ! Г. докторъ, вы должны сдѣлаться и моимъ домашнимъ врачемъ.

Бихлеръ (смотритъ на него поверхъ очковъ) О!

Вассерштейнъ. Въ самомъ дѣлѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ мои дѣла идутъ хорошо, мнѣ зачастую бываетъ не по себѣ; мнѣ каждую минуту чего нибудь не достаетъ.

Бихлеръ (съ насмѣшливой покорностью) Прошу распоряжаться мною. (Къ Ирминѣ.) Вашъ мужъ уже возвратился?

Ирмина. Изъ Дубница? Да. Еще позавчера, - и такой разстроенный!

Бихлеръ. Понятно. Это было ужасно.

Шарлотта. Вы говорите о несчастіи въ шахтѣ?

Бихлеръ. Я видѣлъ много горя и мученій, болѣзней и страданій... (Указывая на газету.) Но

когда я читаю это, меня морозъ подираетъ по кожѣ.

Вассерштейнъ. У васъ вечерній номеръ? (Беретъ газету у него изъ рукъ и заглядываетъ въ нее.) Твердо! Благодарю! (Возвращаетъ ее.)

Бихлеръ. Ѣдучи къ вамъ, я прочелъ корреспонденцію оттуда.

Шарлотта. Что нибудь новое?

Бихлеръ. Нѣтъ, - все факты, которые извѣстны уже цѣлую недѣлю. Тутъ только больше подробностей. Корреспондентъ говорилъ въ госпиталѣ съ тяжело раненымъ. (Читаетъ изъ газеты) Показаніе Петра Ведника: „Прошло съ полчаса, какъ мы спустились и работали въ лѣвой верхней галлереѣ Розамунды. Я разговаривалъ съ ближайшими сосѣдями-рабочими. Мы не знали, что внизу будутъ взрывать пластъ. Вдругъ слышимъ взрывъ. Мы всѣ бросаемъ инструменты и бѣжимъ къ выходу изъ шахты. За мною нѣкоторые, - всѣ спотыкаются. Когда мы добрались до перекрестка, туда уже бѣжали со всѣхъ сторонъ. „Нижняя партія погибла!“ Кричатъ они. Тамъ мой сынъ... Я пытаюсь проникнуть къ нему... Тогда они кричатъ: „Вода идетъ!“ Они хотятъ удержать меня, но я вырываюсь и бѣгу. Но сдва я достигаю перилъ, все обрушивается. Меня достали изъ подъ обломковъ дерева и вытащили наверхъ! Дальше - описаніе его увѣчій.“ (Пауза).

Ирина. Бѣдняга!

Вассерштейнъ (тихо, взволнованно). Это разрываетъ мнѣ сердце.

Бихлеръ. Примѣчаніе: „телеграммой сообщено, что и Петръ Ведникъ умеръ отъ полученныхъ раненій. (Складываетъ газету.)

Гермина (вытирая слезу). Мужъ уже разсказывалъ мнѣ это. Рабочій этотъ былъ у него шесть недѣль тому назадъ. Тогда Жакъ ѣздилъ первый разъ въ Дубницу, чтобъ устроить дѣла рабочихъ.

Бихлеръ. Да, говорили, что онъ убѣждалъ ихъ пріостановить работы.

Вассерштейнъ (взволнованно) Извините, забастовка состоялась тогда, когда докторъ Самуэль былъ уже здѣсь.

Бихлеръ. Откуда вы это знаете?

Вассерштейнъ. Стачка состоялась тогда, когда уже Дубницкія розамундскія акціи были введены на биржу.

Бихлеръ. Да, но черезъ три недѣли рабочіе изголодались и должны были снова выйти на работу. Но во время ихъ отсутствія работала и рыла землю вода.. И когда они вернулись...

Вассерштейнъ. Я совсѣмъ разомякъ. Кто-же во всемъ этомъ виноватъ?

Бихлеръ (встаетъ, строго) Вотъ въ этомъ и вопросъ!

Шарлотта. Вы, вѣдь, выпьете съ нами чашку чаю? (Подаетъ ему чашку.)

Бихлеръ. Благодарю. Я спѣшу. (Герминѣ) Поклонитесь отъ меня вашему мужу. (Кланяется.)

Вассерштейнъ. Храни васъ Богъ, г. докторъ!

Бихлеръ (уходитъ).

3 Явленіе.

Шарлотта, Гермина и Вассерштейнъ у чайнаго стола, позже Слуга.

Гермина. Послѣ этой катастрофы, Жакъ не можетъ успокоиться. День и ночь онъ ни о чемъ другомъ не думаетъ и не говоритъ.

Шарлотта. Твой мужъ сумасбродный человѣкъ, — при Вассерштейнѣ объ этомъ, вѣдь, можно говорить.

Вассерштейнъ. Пожалуйста, при мнѣ вы можете все говорить. (Прихлебываетъ чай).

Гермина. Ты называешь это сумасбродствомъ, если человѣкъ сердечно относится къ бѣднымъ?

Вассерштейнъ. Говорю вамъ, что и меня это несчастіе въ шахтѣ затронуло сильнѣйшимъ образомъ. Я былъ такъ потрясенъ имъ, что отправился на биржу и продалъ всѣ свои угольныя акціи. Я не хотѣлъ больше знать объ угляхъ, — разъ при нихъ гибнутъ люди! И случаю было угодно, чтобъ сердце вѣрно подсказало мнѣ, какъ дѣйствовать. Я продалъ по самому высокому курсу. Потомъ они упали. А! думаю я, вотъ оно какъ! И я повелъ тогда контръмину — и продавалъ, продавалъ... И это было хорошо! Это было очень хорошо! Я возьму еще кусокъ съ печенкой.

Слуга (входя). Ротмистръ Шраммъ.

Шарлотта. Просите.

Слуга. Онъ говоритъ, что не къ вамъ, а къ барину.

Шарлотта (съ досадой). Барина дома нѣтъ.

Слуга. Я ему это говорилъ. Но онъ закричалъ на меня, чтобъ я хорошенько поискалъ - и если барина нѣтъ дома, то г. ротмистръ зайдетъ черезъ часъ.

Шарлотта (пожимая плечами.) Хорошо.

Слуга (уходитъ).

Вассерштейнъ (покачивая голову.) Порью! Это будетъ непріятно Рейнбергу.

Шарлотта. Почему?

Вассерштейнъ. Вы не знаете?

Шарлотта. Мой мужъ никогда не говоритъ со мною о дѣлахъ. Что-же случилось съ Шроммомъ?

Вассерштейнъ. Ротмистръ разоренъ.

Шарлотта. Неужели?

Гермина. Благодаря несчастію въ шахтѣ?

Вассерштейнъ (жуя.) Собственно не потому, но это въ связи. Шроммъ и его шуринъ нуждались въ деньгахъ. И вотъ, когда были выпущены акціи на Розамунду...

Шарлотта. Они ихъ продали?

Вассерштейнъ. Нѣтъ, было условлено, чтобъ они не сейчасъ ихъ продали, чтобъ не подавить курса, а потому они и заложили свои акціи въ одномъ банкѣ.

Гермина. Что это значитъ?

Вассерштейнъ. Они взяли подъ обезпеченіе этихъ акцій деньги, - въ общемъ четверть милліона;

и расплатились съ долгами. Вдругъ начинается стачка. На Розамундовскія не найдешь покупателя. Но курсъ все-таки держался. Мы держали его - Рейнбергъ и я. И вдругъ это несчастье въ шахтѣ! Я отступилъ и, кажется, Рейнбергъ тоже. Акціи шлепнулись. Банковскій долгъ болѣе не покрывался биржевой стоимостью акцій и Шромма пригласили возвратить ссуду, иначе оставленныя въ залогъ акціи будутъ проданы. Заплатить онъ не могъ — и акціи были проданы на биржѣ за бездѣлицу. И теперь у него нѣтъ ни акцій, ни рудника.

Шарлотта. Какое горе!

Вассерштейнъ. Что мнѣ до этого? Я попрошу еще ложку икры.

Цецилія. Знаетъ мой мужъ обо всемъ этомъ?

Вассерштейнъ. Отчего-бы ему и не знать! Каждый знаетъ.

4 Явленіе.

Прежніе, Яковъ, Фридгеймеръ.

Яковъ (сзади) Идите-же, г. докторъ! Мы не нуждаемся въ докладѣ.

Шарлотта. А, г. докторъ! (Идетъ навстрѣчу Фридгеймеру.) Рѣдкій гость! (Всѣ встали.)

Фридгеймеръ (пожимаетъ ей руку.)

Вассерштейнъ. Честь имѣю, г. докторъ!

Фридгеймеръ (кивает ему, затѣмъ обращаясь къ Шарлоттѣ). Г. Рейнберга нѣтъ?

Шарлотта Онъ еще не возвращался домой.

Вассерштейнъ. Онъ вѣрно въ клубѣ. Не телефонировать-ли мнѣ ему?

Яковъ. Пожалуйста.

Шарлотта. Сейчасъ передастъ человѣкъ.

Яковъ (тихо Шарлоттѣ.) Пусть ужъ самъ Вассерштейнъ. Вообще намъ хотѣлось-бы остаться одним.

Вассерштейнъ. Телефонировать мнѣ?

Шарлотта. Попрошу васъ.

Вассерштейнъ. Лечу. (Уходитъ направо.)

Гермина (нѣжно.) Жакъ, ты и не поцѣловалъ меня.

Яковъ (цѣлуетъ ее въ лобъ.) Прости, мое сокровище.

Гермина. Случилось что-то важное, - я вижу это по тебѣ.

Яковъ. Будьте добры, останьтесь тамъ съ Вассерштейномъ, или удалите его.

Шарлотта. Этого нельзя. Фрицъ вызвалъ его сюда.

Гермина (тихо мужу.) Я боюсь, - съ тобой случилась какая нибудь непріятность?

Яковъ (также.) Будь совершенно покойна. Со мною лично ничего. Даю тебѣ слово.

Вассерштейнъ (возвращаясь.) Я телефонировалъ. Онъ будетъ сейчасъ.

Шарлотта. Благодарю. Не хотите-ли вы выкурить сигару?..

Вассерштейнъ. Я буду курить - не буду курить, какъ вы пожелаете.

Шарлотта. Такъ пойдемте туда.

Вассерштейнъ. Въ зимній садъ? О, пожалуйста! (Уходитъ съ Шарлоттой въ среднюю дверь.)

Яковъ (Гершину.) Иди и ты, дитя мое! (Ведетъ ее до стеклянной двери, которую закрываетъ за нею.)

Фридгеймеръ (садится впереди стола.) Значитъ, дѣйствительно, все это было такъ ужасно?

Яковъ (возвращаясь, безъ декламаціи.) Ни описать, ни разсказать! Я пріѣхалъ въ Дубницъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда стали вытаскивать трупы. У спуска въ Розамундовскую шахту толпились женщины; онѣ кричали, стонали, визжали отъ овладѣвшаго ими отчаянія. Нѣкоторыя были совсѣмъ нѣмы. На этихъ я ужъ и смотрѣть не могъ. Ахъ, эти ужасныя, душу раздирающія картины все еще передъ моими глазами! Все черно. Угольная пыль все погружаетъ въ трауръ. Лохмотья, которыя висятъ на нихъ, почернѣли отъ угля, а рѣзкій осенній вѣтеръ дуетъ сквозь эти тряпки и ледяная дрожь пробѣгаетъ по исхудалымъ членамъ. Даже небо какое-то мутное, темносѣрое. А дѣти у нихъ! Больно смотрѣть на нихъ: крошки съ серьезными старческими лицами! И мнѣ казалось, что они, эти дѣти, съ ужасомъ смотрѣли въ черную пасть, которая поглотитъ когда нибудь и ихъ. Они спустятся

туда, также какъ ихъ отцы, которыхъ вытаскиваютъ теперь на поверхность. Тамъ, внизу, подъ землею, еще полудътьми они будутъ возить желъзныя тачки за 45 крейцеровъ въ день, а позже, уже рудокопами, сидъть на корточкахъ, карабкаться по темнымъ дырамъ и отбивать надъ собою уголь, при чемъ достаточно малъйшей неосторожности съ лампочкой, чтобъ сгоръть въ мгновенье ока. На этотъ разъ пришла вода. Сколько труповъ! (Закрываетъ глаза руками). И завтра они снова спустятся въ мракъ, подъ землю. Они должны! Иначе умрутъ съ голоду тамъ на верху, на свътломъ просторъ.

Фридгеймеръ. Мой юный другъ! Никто не страдаетъ больше, чъмъ можетъ чувствовать. Это мудро устроено Богомъ. Кто ходитъ босой, у того на подошвъ толстая кожа.

Яковъ. И это все утъшеніе!

Фридгеймеръ. Бъдности и нужды теперь не больше, чъмъ было прежде. Напротивъ даже, становится лучше.

Яковъ (садится). Стало быть, - смотръть, ничего не дълать и предоставить вещамъ естественный ходъ?

Фридгеймеръ. Терпъніе! То, что вы намърены сдълать за счетъ Рейнберга, я одобряю. Я потому и пришелъ сюда съ вами. Но здъсь и кончается наша съ вами задача.

Яковъ. А я говорю, что здъсь она только начинается!

Фридгеймеръ. Безуміе! Будьте рады, когда не затрогиваютъ васъ! Вы хотите принять участіе въ чужихъ вамъ людяхъ? А кто-же, мой юный другъ, еще другой принимаетъ участіе?

Яковъ. Я не хочу объ этомъ и раздумывать!

Фридгеймеръ. По какому праву вы вступаетесь за интересы горнорабочихъ?

Яковъ. Я - адвокатъ!

Фридгеймеръ. Позвольте вамъ разсказать одну исторію. Я нашелъ ее въ одной старой еврейской хроникѣ раввина Іошуа изъ Шпейера. Онъ писалъ свою хронику послѣ одного изъ многочисленныхъ изгнаній евреевъ изъ рейнскихъ земель, вѣроятно, гдѣ нибудь во время бѣгства. Раввинъ Іошуа пишетъ: въ мѣсяцѣ Абъ 5143 года, - XIV вѣка по христіанскому лѣтоисчисленію, - въ Майнцѣ появились признаки предстоящихъ еврейскихъ гоненій? Особеннымъ случаемъ былъ случай съ юношей Моисеемъ бенъ Абрагамомъ. Моисей былъ хорошій юноша; сынъ одного торговца, онъ собирался сдѣлаться ученымъ. Такъ, въ одну лѣтнюю ночь, сидѣлъ онъ надъ старинными книгами нашихъ мудрецовъ и изучалъ ихъ. Вдругъ въ ночной тиши онъ услыхалъ вопли. Онъ высунулся за окно. Крики раздавались не въ гетто. Кто-то звалъ на помощь извнѣ, передъ гетто. Вопли становились все ужаснѣе; сердце его сжалось, - онъ всталъ и вышелъ. Когда онъ проходилъ черезъ комнату, проснулась его мать: „куда ты идешь, дитя мое, такъ позд-

но ночью?" - "Матушка, я слышу кто-то молитъ о помощи!" и онъ исчезъ въ ночномъ мракѣ. Такъ какъ онъ не возвращался, а мать терзалъ страхъ, то она тоже встала и вышла изъ дому, чтобъ отыскать его. Она также не возвращалась. На другое утро Моисея нашли заколотымъ у раскрытыхъ воротъ Гетто, а у трупа его сидѣла, радостно улыбаясь, его мать... Она сошла съ ума. Ну, что вы скажете объ этой исторіи?

Яковъ. А то, что преклоняюсь предъ этимъ Моисеемъ изъ Майнца и горжусь имъ! И такъ долженъ поступить каждый изъ насъ! Крикъ о помощи когда нибудь можетъ быть и дѣйствительнымъ.

Фридгеймеръ. Но мы слишкомъ слабы.

Яковъ. Когда великодушенъ сильный, - гдѣ-же заслуга? Но если слабый, - вотъ это достойно похвалы.

Фридгеймеръ (пожимаетъ плечами, разводитъ руками и снова опускаетъ ихъ.)

5 Явленіе.

Тѣ-же и Рейнбергъ.

Рейнбергъ (входитъ изъ лѣвыхъ дверей и направляется къ Фридгеймеру) Только что узналъ, что вы у меня. (Пожимаетъ ему руку. Небрежно кланяется Якову.) Гдѣ Вассерштейнъ?

Яковъ. Тамъ.

Рейнбергъ (спѣшитъ къ стеклянной двери.)

Яковъ. Мнѣ нужно поговорить съ тобою, а не Вассерштейну.

Рейнбергъ. Тебѣ? Дай мнѣ съ нимъ только

поздороваться! (Наполовину открываетъ дверь; заискивающимъ тономъ.) Добрый вечеръ, Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Добрый вечеръ, Рейнбергъ!

Рейнбергъ. Вамъ отъ меня ничего не нужно?

Вассерштейнъ. Ничего, я только телефонировалъ.

Рейнбергъ (льстиво.) Ну для чего вы сами утруждали себя?

Яковъ (сухо.) Затвори двери.

Рейнбергъ (дѣлаетъ это и идетъ къ сидящимъ.) И такъ, что доставило мнѣ честь?

Фридгеймеръ (вполголоса). Мы должны поговорить съ вами объ очень серьезномъ дѣлѣ.

Рейнбергъ. Мы. Оба?

Яковъ. Да, именно. И я скажу тебѣ это въ двухъ словахъ. (Тихо, убѣдительно.) Ты разорилъ ротмистра Шромма – ты же и долженъ исправить бѣду.

Рейнбергъ (также тихо.) Я его разорилъ? (Съ нервнымъ смѣхомъ.) Ты сошелъ съ ума! Онъ самъ разорился! (Увлекаетъ Якова на нѣсколько шаговъ отъ Фридгеймера и шепчетъ ему на ухо.) Онъ и меня разорилъ вмѣстѣ съ собою.

Яковъ (озадаченно). Что?

Рейнбергъ. Я въ отчаянномъ положеніи, но это стражайшая тайна. (Испуганно озираясь.) Меньше всего долженъ знать объ этомъ Вассерштейнъ, а то онъ завтра-же разскажетъ на биржѣ и тогда я погибъ.

Яковъ. Что-же случилось?

Рейнбергъ. Я какъ въ тискахъ. Я долженъ расплатиться Дубницкими розамундовскими акціями, - которыя запродалъ на срокъ, - но я нигдѣ не могу ихъ найти. Акціи внезапно вышли изъ обращенія. У меня петля на шеѣ и, если онъ захочетъ, то затянетъ ее.

Яковъ. Онъ? Кто?

Рейнбергъ. Этого я не знаю. Страшно! Человѣкъ, котораго я не вижу, можетъ сдѣлать со мною все, что ему угодно. Онъ можетъ назначить мнѣ цѣну по усмотрѣнію. Еслибъ я зналъ, кто это, - я могъ-бы пойти къ нему и предложить половину моего состоянія. Онъ можетъ потребовать все до послѣдняго гвоздя въ стѣнѣ, и я долженъ буду отдать и еще радоваться, если онъ не удалитъ меня съ биржи.

Яковъ (серьезно.) Это тебѣ возмездіе.

Фридгеймеръ. Ну что же, нужна вамъ моя поддержка или вы уже убѣдили г. Рейнберга?

Яковъ. Это было невозможно!

Фридгеймеръ. (Рейнбергу.) Повѣрьте вашему свояку! Онъ просилъ меня сопровождать его, полагая, что мои слова имѣютъ для васъ значеніе.

Рейнбергъ (смѣшавшись.) Конечно, конечно!

Фридгеймеръ. По понятіямъ биржи, вы навѣрно не обманули ротмистра. Если бы онъ былъ такой дѣлецъ, какъ и вы, то не имѣлъ бы

права жаловаться. Но вы сильные его въ биржевыхъ операціяхъ. Отсюда и обязанность ваша не допускать его до потерь.

Рейнбергъ. Съ чего вы это взяли? По отношенію къ нему у меня нѣтъ рѣшительно никакихъ обязанностей! Это только такъ думаетъ мой свояк, берущій Шромма подъ свою защиту, — не знаю почему.

Фрифеймеръ. Потому что онъ справедливо предполагаетъ, что изъ-за этого случая подымется возмущеніе противъ насъ, евреевъ. Это и мое мнѣніе. Вотъ почему я стою здѣсь и прошу: помогите Шромму оправиться!

Рейнбергъ. Вы ошибаетесь! Шроммъ не заслуживаетъ помощи. Онъ поступилъ ужасно — и глупо, и легкомысленно! (Топаетъ ногой). Почему онъ покойно не удержалъ акціи въ своемъ сундукѣ? Зачѣмъ онъ ихъ заложилъ? Я уже не говорю о томъ, что безпутное хозяйство на его рудникѣ было причиной всего несчастья! Получить три милліона за рудникъ, что не стоитъ и двухъ, — это было ему по нраву! А теперь, когда онъ своимъ легкомысліемъ разорилъ себя и другихъ, теперь онъ жалуется? Спросите Вассерштейна, я-ли лишилъ рогалистра его состоянія? Это была случайность; (быстро) несчастная случайность! (Спѣшитъ къ двери и зоветъ.) Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (за дверьми) Рейнбергъ! (Входитъ.) Что вамъ угодно?

Рейнбергъ. Вы должны сказать, употребилъ-ли я

какой нибудь биржевой маневр, чтобъ разорить
Кролмана?

Вассерштейнъ. Какъ такъ маневръ? Вы продали,
ибо былъ интересъ продать. Я, ты, онъ, мы, вы, они —
всѣ продавали. Дурной товаръ продаютъ. Розамунды
оказались плохими, ихъ и продавали. Гдѣ же здѣсь
маневръ? Если не продавать плохихъ бумагъ, тогда
дѣло прекращается. Я тоже продавалъ.

Эдита и Шарлотта (опять вошли чрезъ среднюю
дверь.)

Рейнбергъ. Вы уже покрылись, Вассерштейнъ?

Вассерштейнъ. Давно уже. А вы, Рейнбергъ?

Рейнбергъ (съ трудомъ принимая непринужденный
видъ) Я тоже. Конечно!

Вассерштейнъ. Что намъ за дѣло до ротмистра?
Развѣ знаю я ротмистра? Развѣ мы знаемъ рот-
мистра?

6 Явленіе.

Тѣ же, Слуга, позже Шроммъ.

Слуга (входя слѣва). Г. ротмистръ фонъ-Шроммъ!

Рейнбергъ (быстро.) Меня нѣтъ дома.

Слуга. Онъ справился внизу у швейцара.

Рейнбергъ. Я не принимаю.

Яковъ (тихо Рейнбергу.) Ты не можешь все равно уклониться отъ объясненія. А потому раньше или позже...

Рейнбергъ (громко.) Я не въ такомъ настроеніи, чтобъ
заговаривать о дѣлахъ. У меня голова болитъ. Пого-
вори съ нимъ ты.

Яковъ. Я?

Рейнбергъ. Или кто нибудь. Дѣлайте, что хотите!

Меня здѣсь нѣтъ! (Уходитъ направо.)

Яковъ (слугѣ.) Просите этого господина.

Вассерштейнъ (удерживаетъ слугу за руку.) Вы... вы сильный человѣкъ. Если вы услышите громкій разговоръ, войдите сюда и... (Дѣлаетъ жестъ, какъ-бы выбрасывая кого нибудь.)

Слуга. Слушаю-съ! (Уходитъ.)

Вассерштейнъ (тихо Шарлоттѣ) Гдѣ колокольчикъ?

Шарлотта (испуганно указываетъ) Вотъ.. На что?

Вассерштейнъ (пожимая плечами). Все можетъ быть.

Герцина. Намъ бы лучше уйти. (Идетъ вправо.)

Шроммъ (врывается слѣва съ шляпой на головѣ, - при видѣ дамъ останавливается, какъ вкопанный, снимаетъ шляпу и натянуто, едва кланяется).

Шарлотта (принужденно улыбаясь) Здравствуйте, г. фонъ-Шроммъ.

Шроммъ (размѣренно повторяетъ поклонъ, затѣмъ обращается къ Якову.) Гдѣ г. Рейнбергъ?

Шарлотта. Мой мужъ будетъ очень сожалѣть, - онъ, къ несчастью, долженъ былъ сейчасъ уѣхать.

Яковъ (холодно.) Я освѣдомленъ обо всемъ. Я могу вамъ за него отвѣтить на всѣ вопросы.

Шроммъ (пристально глядя на него) Вы?

Шарлотта. Вы хотите поговорить о дѣлахъ, господа? Пойдемъ, Герцина, не будемъ мѣшать. До свиданія, г. ротмистръ. (Уходитъ съ Герциной направо.)

7. Явленіе.

Яковъ, Шроммъ, Фридгеймеръ, Вассерштейнъ.

Шроммъ (кланяется какъ и прежде, ждетъ пока

идутъ дамы, затѣмъ обращается къ Якову.) Вы освѣдомлены на счетъ обмана?

Яковъ (спокойно.) Совѣтую вамъ не употреблять такихъ выраженій...

Шроммъ (вызывающе). Въ противномъ случаѣ?..

Яковъ. Я вынужденъ буду, къ моему сожалѣнію, прекратить разговоръ съ вами. А я желаю довести дѣло до конца, чтобъ выяснить его положенія.

Шроммъ. Что-же тутъ выяснить?

Яковъ. Во 1-хъ, то, что нѣтъ обмана.

Шроммъ. Это говорите вы!

Вассерштейнъ. Это долженъ сказать всякій!

Шроммъ (Смѣритъ Вассерштейна съ головы до ног) Кто это?

Вассерштейнъ (вѣжливо). Моя фамилія Вассерштейнъ.

Шроммъ (повернувшися къ нему спиной. Якову.) Меня лишили моего имущества. Вы, конечно, постараетесь убѣдить меня, что дѣло чисто.

Яковъ. Да постараюсь.

Шроммъ. Адвокаты все могутъ.

Яковъ (сдерживаясь) Г. ротмистръ, будьте спокойны. Это была роковая случайность. Въ продажѣ вашихъ акцій за безцѣнокъ-Рейнбергъ невиноватъ.

Вассерштейнъ. Зачѣмъ вы заложили акціи?

Шроммъ (загремѣвъ на него.) Молчать!

Вассерштейнъ (обиженно.) Сдѣлайте одолженіи. (отходитъ)

Яковъ. Если бы вы оставили акціи у себя, вы могли бы переждать панику, которая наступила послѣ катастрофы на вашемъ рудникѣ. Сегодня, напримѣръ, акціи стоятъ гораздо выше.

Шромъ (яростно смѣясь). Да, конечно, теперь, когда шутка сыграна! Теперь, когда я обокраденъ!

Фрейдеймеръ (вполголоса Якову). Только не волнуйтесь, не волнуйтесь...

Яковъ. Нѣтъ... (Шрому) Я рѣшилъ выяснить вамъ дѣло – и доведу это до конца. Вы потеряли свое состояніе, но виноваты въ этомъ вы сами, никто другой. Ваша вина двоякая. Во первыхъ, „залогъ акцій," – въ этомъ случаѣ съ вами „сыграло шутку" ваше непониманіе биржевыхъ дѣлъ. Я въ отчаяніи отъ этого! Г. раввинъ Фрейдеймеръ можетъ это засвидѣтельствовать.

Шромъ. Ахъ, что такое раввинъ?

Яковъ. Но есть еще большая вина ваша, за которую вы и не заслуживаете сожалѣнія!

Шромъ. Я далъ вамъ высказаться, мой милый. Я хочу видѣть, до чего дойдетъ ваша наглость.

Яковъ. Она дойдетъ до правды! Другая ваша вина, о которой я говорю, – запущенность вашего рудника... Это хозяйственное распутство.

Шромъ (внѣ себя). Что вы осмѣлились сказать?

Яковъ (начинаетъ горячиться). Да, да, распутное хозяйничанье, которое одно уничтожило не только ваше состояніе, но и десятки человѣческихъ жизней. Въ то время, когда вы давали

выходѣ своимъ благороднымъ страстямъ, вы повергали своихъ несчастныхъ рабочихъ въ пучину горя и золъ!

Вассерштейнъ (тихо Фрицгеймеру, воодушевленно). Этотъ задастъ ему.

Яковъ. Мужчины, женщины, дѣти, обреченные на мучительную, тяжкую работу подъ землей за жалкую, ничтожную плату.

Шроммъ (задыхаясь). Дальше, дальше!

Яковъ. Да! Дальше! такъ оно шло все дальше — годы, десятки лѣтъ. И при этомъ вы даже не подумали о безопасности жизни рабочихъ, пока не произошелъ обвалъ, который долженъ былъ произойти.. И вы смѣете еще жаловаться на то, что вода, проникшая въ шахту унесла ваше богатство?! А что вы сдѣлали съ трупами? Я видѣлъ эти трупы собственными глазами! И вдовъ, и сиротъ видѣлъ, которыя должны теперь голодать, потому что ихъ кормильцы и отцы положили свою жизнь за розсыпь фонъ-Шромма... Вы не были даже на ихъ погребеніи!

Шроммъ. Но вы тамъ были?

Яковъ. Да, былъ.

Шроммъ. И при стачкѣ были? Такъ какъ рабочіе забастовали, то въ шахтѣ и скопилась вода. Сначала я не понялъ, чего собственно вы тамъ искали.. Что тамъ дѣлаетъ этотъ жидъ, спрашивалъ я себя!...

Яковъ. Онъ исполнялъ христіанскую обязан

ность.

Шроммъ. Вашъ милѣйшій свякъ говорилъ мнѣ, будто вы дуракъ и что онъ съ вами поссорился. Но теперь я понимаю! Вы ведете съ нимъ одну игру!

Яковъ. Это ложь!

Шроммъ. А, гнусный жидъ!

Яковъ. Вы возьмете это назадъ!

Вассерштейнъ (вполголоса Фридгеймеру) Я велю его вышвырнуть. (Звонитъ.)

Шроммъ. А если я не возьму назадъ своихъ словъ? Ужъ вы извините мнѣ это, какъ тогда.. я васъ...

Слуга (входитъ)

Шроммъ. Я васъ знаю! Вы извиняете своего свояка и просите извиненія себѣ... Поганая жидовня!

Яковъ (который при словахъ: „какъ тогда" болѣзненно застоналъ, бросается на Шромма и даетъ ему пощечину.)

Шроммъ (пошатнулся, шляпа выпадаетъ у него изъ рукъ, онъ съ хриплымъ яростнымъ крикомъ хочетъ броситься на Якова, но Вассерштейнъ и Фридгеймеръ становятся между ними. Слуга хватаетъ Шромма сзади за обѣ руки и тащитъ его взбѣшеннаго къ лѣвой двери, въ которую съ нимъ и выходитъ. Все это происходитъ съ быстротой молніи.)

Вассерштейнъ (несетъ вслѣдъ шляпу, выбрасываетъ ее за дверь, затѣмъ закрываетъ ее и два раза поворачиваетъ ключъ.) Ааа, вотъ

это было наслажденіе! И отъ пощечины онъ у насъ не отречется, - свидѣтели есть! (Потираетъ руки.)

Яковъ. (Стоявшій послѣ удара неподвижно, вздрагиваетъ какъ бы отъ холода.) Онъ ее не будетъ отрицать...

Фридгеймеръ (опустившись на стулъ, про себя, горестно.) И онъ тоже, какъ Моисей изъ Майнца.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

(Декорація втораго дѣйствія. 3 часа послѣ обѣда.)

1 Явленіе.

Бабы и Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ (сопровождаемый Бабы изъ среднихъ дверей.) Г. докторъ дома?

Бабы. Нѣтъ, я его сегодня и не видала.

Вассерштейнъ. Въ такомъ случаѣ доложите барынѣ, что я здѣсь. Моя фамилія Вассерштейнъ.

Бабы (быстро взглянувъ на него.) Господи, я васъ.

совсѣмъ не узнала!

Вассерштейнъ (осматриваетъ ее). И я васъ тоже.. Я и сейчасъ не узнаю васъ.

Ваби. Я была прежде горничной у Гелльманъ, когда фрейлейнъ Гермина была еще дома.

Вассерштейнъ. Душенька моя! Я вспоминаю, вы та самая недовѣрчивая комнатная кошечка, которая не хотѣла допустить меня къ серебру!

Ваби. Вы кажетесь теперь больше ростомъ.

Вассерштейнъ. Потому что я выросъ, милое дитя.. (Бьетъ себя по боковому карману) Въ особенности въ этомъ мѣстѣ... (Достаетъ изъ кармана жилета скомканные банковые билеты, ищетъ между ними пять гульденовъ и даетъ Ваби) Возьмите!

Ваби (держитъ билетъ двумя пальцами) Дать вамъ сдачи?

Вассерштейнъ. Нѣтъ, я дарю вамъ цѣликомъ.

Ваби (бросаетъ деньги на столъ.) Идите къ другой... Я честная дѣвушка!

Вассерштейнъ. Что вы подумали? Это такой обыкновенный подарокъ. Я ничего за это не требую, - ни вашей любви, ничего.

Ваби. Это правда?

Вассерштейнъ. Когда мои дѣла были плохи, вы относились ко мнѣ вѣжливо, предупредительно, - вотъ и вамъ выгода.

Ваби. Сердечно благодарна! (Беретъ деньги).

Вассерштейнъ (про себя). Такъ поступаетъ Эмануэль Вассерштейнъ... (Къ Ваби). Доложите обо мнѣ.

Ваби. Я сейчасъ иду, г. фонъ-Вассерштейнъ. (Уходитъ направо.)

Вассерштейнъ (глядя ей вслѣдъ) Ну,-развѣ не существуетъ цѣны на все?

2 Явленіе.

Вассерштейнъ и Гермина.

Гермина (справа). Г. Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Здравствуйте, сударыня! Вашего супруга нѣтъ дома?

Гермина (задумчиво.) Вы имѣете что нибудь сказать ему?

Вассерштейнъ. Ничего особеннаго,-я хотѣлъ ему выразить свое уваженіе.

Гермина (какъ бы про себя) Онъ ушелъ куда-то. Вы не знаете? (садится).

Вассерштейнъ. Откуда-же мнѣ это знать?

Гермина. Не знаю, меня томитъ какое-то предчувствіе.

Вассерштейнъ. Вы всегда таковы, сударыня, если онъ уходитъ? Могу присягнуть, что онъ человѣкъ солидный и у него нѣтъ никакихъ увлеченій.

Гермина. Ахъ, вы шутите. А меня не оставляетъ тревога съ той минуты, какъ здѣсь были два офицера!

Вассерштейнъ (садится). Какіе офицеры?

Гермина. Вчера они пришли,-я сама въ передней видѣла ихъ сабли...

Вассерштейнъ. Вы напуганы? Ну да.. Что же они хотѣли?

Гермина). Точно не знаю. Они оставались минуты двѣ. Жакъ сказалъ мнѣ потомъ, что у него аграрный процессъ, въ которомъ онъ уже разъ замѣнилъ Вурцлехнера. И, дѣйствительно, они говорили о Вурцлехнерѣ, - онъ и офицеры. Я была тогда у двери и прислушивалась - со страха, - повѣрьте мнѣ, только со страха).

Вассерштейнъ. Вамъ не для чего оправдываться. Прислушиваться вполнѣ естественно, - когда желаютъ добиться чего нибудь.

Гермина. Жакъ упомянулъ раза два имя Вурцлехнера, - больше я ничего не слыхала; они говорили такъ тихо.

Вассерштейнъ. Они разговаривали тихо? Ну, слава Богу, - значитъ ничего нѣтъ серьезнаго.

Гермина. И Вурцлехнеръ былъ также сегодня передъ обѣдомъ и оставался дольше обыкновеннаго. Жакъ съ ними ушелъ; они со мною попрощались, смѣясь.

Вассерштейнъ (просвѣтлѣвъ.) Ну, вотъ, ну вотъ!.. Что вы себѣ вбили въ голову?

Гермина. Такъ, что вы думаете, это все не связано съ Шроммомъ?

Вассерштейнъ. Онъ теперь будетъ остерегаться вашего супруга. Вѣдь, пощечину онъ получилъ! Я говорю вамъ - она звенѣла.

Гермина (вздыхая). Я надъ этимъ не могу смѣяться.

Вассерштейнъ. Но я? Я разсказалъ объ этомъ всему свѣту. На биржѣ это произвело очень хоро-

ше впечатлѣніе).

Гермина. Ахъ, что за вздоръ!

Вассерштейнъ. А какъ это меня обрадовало, я и сказать не могу. Если бъ вы слышали, какъ онъ заступился за бѣдныхъ рабочихъ! Мнѣ сдѣлалось жарко, потомъ холодно за спиной. Я даю, я беру, - все вертится около денегъ. Но есть еще нѣчто другое: честь!

Гермина. Да, онъ говоритъ это часто!

Вассерштейнъ. Я не могу это говорить, но оно возбудило и меня. Я знаю, я тотъ нѣкто, который имѣетъ деньги или не имѣетъ ихъ. Для меня все хорошо, все справедливо. Но, слава Богу, есть еще другіе евреи... Быть можетъ, если бы и я чему нибудь учился и не былъ такимъ пришибленнымъ человѣкомъ, объ котораго всѣ вытирали свои сапоги, - можетъ быть и я былъ бы другимъ. Пожалуйста, не трудитесь возражать мнѣ... Что я такое? Я долженъ все пріобрѣтать - только деньгами. Я долженъ платить за дружбу, за любовь, платить за хорошее обращеніе со мною въ гостинницахъ, гдѣ я постоянно бываю. Имѣю я деньги, меня въ лицо называютъ г. фонъ-Вассерштейнъ и высмѣиваютъ, если у меня ихъ нѣтъ... (Мягко) Мнѣ очень трудно.

Гермина. Что съ вами сегодня?

Вассерштейнъ. Что-то во мнѣ происходитъ, - я самъ не знаю, что именно. Что-то бродитъ во мнѣ тамъ внутри - вотъ тутъ - я не могу

только сказать, что это такое.

Гермина. Вы, вѣдь, хорошій человѣкъ, г. Вассерштейнъ.

Вассерштейнъ. Спокойной! (стучатъ.)

3 Явленіе.

Тѣ же, Рейнбергъ.

Рейнбергъ (изъ среднихъ дверей.) Честь имѣю, г. фонъ-Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (пренебрежительно.) Здравствуйте, Рейнбергъ!. Теперь позвольте мнѣ удалиться.

Рейнбергъ (пожимая руку, Герминѣ, тихо, настойчиво.) Не отпускай его!

Гермина. Почему?

Рейнбергъ (какъ прежде.) Ты должна мнѣ помочь! (Громко.) Г. фонъ-Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ (у выхода.) Ну?

Рейнбергъ. Подождите меня мгновенье.

Вассерштейнъ. Для чего?

Рейнбергъ. Вы сможете взять меня съ собою въ своемъ экипажѣ, который я видѣлъ внизу.

Вассерштейнъ (иронически.) Ахъ, вотъ что! Но я уже откланялся.

Гермина (смѣясь.) Вы можете снова явиться.

Вассерштейнъ. И то правда. И это я могу. (Возвращается и садится слѣва впереди.)

Рейнбергъ. Я сейчасъ буду готовъ, г. фонъ-Вассерштейнъ! (Къ Герминѣ.) Твой мужъ дома? (Направляется въ правую сторону.)

Гермина. Онъ въ засѣданіи. (Снова озабоченно.) Если-бы время возвратиться. Что ты хотѣлъ

отъ него?

Рейнбергъ (не сразу) Ничего. Это только предлогъ... Ты должна попросить Вассерштейна, чтобы онъ меня пощадилъ. Тебѣ онъ не откажетъ. Онъ былъ влюбленъ въ тебя; онъ и сейчасъ еще...

Гермина. Что случилось?

Рейнбергъ. Онъ можетъ меня разорить. Онъ имѣетъ Розамундовскія акціи, которыя я долженъ сдать. Я теперь это знаю. Если онъ пожелаетъ придушить меня, я пропалъ. Попроси у него этой милости для меня.

Гермина. Хорошо. (Отходитъ налѣво.)

Рейнбергъ (громко.) Знаешь, что, Гермина, - я лучше напишу это Жаку... (Садится за письменный столъ.) Ты можешь кое-что забыть. (Садится и пишетъ.)

Гермина (подойдя къ Вассерштейну.) Милый Вассерштейнъ, у меня къ вамъ дипломатическая миссія.

Вассерштейнъ (поднявшись.) Да? Отъ кого?

Гермина. Отъ Фрица. Онъ открылъ мнѣ свое положеніе. Вы можете его уничтожить.

Вассерштейнъ. Я? Шутки!

Гермина. Въ дѣйствительности я этого не понимаю. Онъ говоритъ, что онъ стиснутъ.

Вассерштейнъ (догадываясь.) Въ углѣ? Розамундовскія!

Гермина. Да.

Вассерштейнъ. А я было думалъ, что это

Шлезингеръ... Онъ это?..

Гермина (презрительно) Не топите его! Оставить васъ съ нимъ наединѣ?

Вассерштейнъ (наклоняетъ голову.)

Гермина (уходитъ налѣво.)

Вассерштейнъ (идетъ направо, бьетъ Рейнберга по плечу.) Рейнбергъ, вы оселъ!

Рейнбергъ (встаетъ, покорно.) Почему, г. Вассерштейнъ?

Вассерштейнъ. Потому, что вы дали себя прищемить.

Рейнбергъ. Я въ вашихъ рукахъ.

Вассерштейнъ. И теперь вы дрожите предо мною? Предъ Эмануэлемъ Вассерштейномъ. Заслужили вы это вполнѣ, потому что вы часто оскорбляли меня... но... (Взглянувъ налѣво)... Я васъ выручу.

Рейнбергъ (хватаетъ объ руки Вассерштейна). Мой спаситель! Вы благородный человѣкъ.

4 Явленіе.

Прежніе, Баби.

Баби (вбѣгаетъ.) Г. фонъ-Рейнбергъ!

Рейнбергъ. Чего вы кричите?

Баби. Докторъ Вурцлехнеръ на улицѣ и хочетъ съ вами говорить.

Рейнбергъ. Со мною?

Баби. Онъ сказалъ, что если госпожа здѣсь, то не можетъ зайти.

Рейнбергъ. Странно! (Спѣшитъ къ двери).

5 Явленіе

Рейнбергъ, Вассерштейнъ, Францъ.

Францъ (входя, озирается по сторонамъ) Мы одни?

Вайсъ (уходитъ.)

Рейнбергъ (тревожно.) Что приносите вы?

Францъ. Несчастье. Яковъ дрался на дуэли съ ротмистромъ часъ тому назадъ.

Вассерштейнъ (упавъ на стулъ.) Боже праведный!

Рейнбергъ. Раненъ?

Францъ. У него пуля въ груди.

Вассерштейнъ (плача). Онъ еще живъ?

Францъ. Да. Докторъ Бихлеръ везетъ его въ каретѣ. Конечно, очень медленно. Я поѣхалъ впередъ, чтобъ приготовить жену. (Печально.) Кто нибудь долженъ поѣхать къ родителямъ. Этого я не могу: я не могу.

Рейнбергъ. Прошу васъ, дорогой Вассерштейнъ!

Вассерштейнъ. Я? Какъ зовутъ меня? Что я изъ желѣза?

Францъ. Я прошу васъ, сдѣлайте это!

Вассерштейнъ (поднявшись) Скажите мнѣ, живъ-ли онъ еще?

Францъ. Живъ. Онъ вѣрно скоро будетъ здѣсь.

Вассерштейнъ (надѣвъ шляпу, складываетъ руки на груди. Слушай, Израиль! (Молится шепотомъ.)

Францъ. Идите-же скорѣе!

Вассерштейнъ. Спѣшу. Какой печальный путь! (Уходитъ въ среднія двери.

6 Явленiе

Францъ, Рейнбергъ, потомъ Германа.

Францъ. Надо предупредить жену, чтобъ она не встрѣтила его слезами!

Рейнбергъ. Рана тяжела?

Францъ. Докторъ Бюхлеръ только вздохнулъ, когда я его спросилъ...

Рейнбергъ. Не повредитъ-ли ему переѣздъ?

Францъ. Они стрѣлялись въ манежѣ. Там была сдѣлана первая перевязка, послѣ которой онъ пожелалъ домой. Бюхлеръ долженъ былъ согласиться. Раздраженіе увеличило бы опасност

Рейнбергъ (отворяя двери налѣво) Гермина!

Гермина (входя). Фрицъ?

Фрицъ (молча кланяется).

Гермина (замѣтивъ Франца). Что случилось?

Рейнбергъ. Дорогое дитя, ты, вѣдь, благоразумна. Ты знаешь, въ жизни бываютъ различныя вещи.

Гермина (съ крикомъ). Что произошло?

Францъ. Не пугайтесь, сударыня. Не надо приходить въ отчаяніе!

Гермина (плача). Что? Что?

Францъ. Нашъ Яковъ.....

Гермина (внѣ себя) Жакъ? Что съ нимъ, ради Бога?

Францъ. Онъ дрался на дуэли.

Гермина (рыдаетъ, ломая руки.)

Францъ. Докторъ надѣется, что рана не опасна.

Рейнбергъ. Ты слышишь? Не падай духомъ.

Францъ. Вы не должны его волновать.

Гермина. Гдѣ онъ?

7 Явленіе.

Прежніе, Ваби, потомъ Бихлеръ, Яковъ и два носильщика.

Ваби (вбѣгаетъ.) Господи, тамъ принесли нашего барина!

Рейнбергъ. Спокойнѣе, спокойнѣе!

Бихлеръ (изъ средины). Приготовьте постель.

Рейнбергъ (къ Ваби). Скорѣе, кровать!

Ваби (убѣгаетъ направо.)

Яковъ (съ закрытыми глазами, безъ чувствъ, на рукахъ двухъ носильщиковъ).

Гермина. Жакъ! (Хочетъ броситься къ нему.)

Францъ (удержа ее.) Псс...

Бихлеръ. Онъ въ обморокѣ. (Къ носильщикамъ.) На софу!

Носильщики (кладутъ Якова осторожно на софу и удаляются через среднія двери).

Бихлеръ (наклоняется къ Якову, потомъ обращается къ Герминѣ) Полотна, воды, льда!

Рейнбергъ. Сейчасъ все приготовлю. (Уходитъ направо)

Бихлеръ (осматриваетъ перевязку Якова).

Яковъ (раскрывъ глаза, слабо.) Ахъ.. вы дѣлаете мнѣ больно... Бихлеръ - спасибо! Гермина!

Гермина (припадаетъ къ нему.)

Ваби (справа, быстро къ Бихлеру.) Постель готова! (Уходитъ направо.)

Бихлеръ. Мы положимъ васъ въ постель.

Яковъ (безсильно). Нѣтъ! здѣсь!. Гдѣ Францъ?

Францъ (около.) Я здѣсь.

Яковъ. Спасибо, дружище! Я останусь здѣсь. Около моихъ книгъ.. Знаете еще, что я хочу?.. Примиренія!

Бихлеръ. Не говорите такъ много!

Яковъ (жметъ Францу руку.) Добрый другъ! Скажи раввину, что какъ Моисей изъ Майнца! (Шепчетъ). Надъ трупомъ сидѣла мать, веселая, смѣясь... (Теряетъ снова сознаніе.)

Рейнбергъ (справа съ питьемъ, чашкой, простынями, тихо къ Бихлеру). Ледъ будетъ сейчасъ.

Гермина (тихо къ Бихлеру.) Могу я помогать?

Бихлеръ (печально.) Нѣтъ!

8 Явленіе.

Прежніе, Самуэль, фрау Самуэль, Вассерштейнъ.

Фрау Самуэль (съ потеряннымъ взоромъ, заливаясь слезами, падаетъ между мужемъ и Вассерштейномъ, которые ввели ее подъ руки.)

Самуэль (со стономъ.) Гдѣ мой сынъ?

Францъ (идя навстрѣчу.) Онъ безъ чувствъ. Только спокойствія!

Фрау Самуэль (приходитъ въ себя).

Яковъ (очнувшись). Скажи раввину!

Францъ (тихо Вассерштейну.) Что онъ хочетъ отъ раввина? Пріобщиться св. таинъ?

Вассерштейнъ (качая головой). Мы умираемъ безъ причастія.

Яковъ (зоветъ слабо.) Матушка! Отецъ!

Самуэль (ведетъ жену къ одру.) Ягла, жизнь моя,

Яковъ (подымаясь) Сѣсть!

Вассерштейнъ (тихо рыдаетъ.)

Рейнбергъ. Не волнуйтесь такъ, дорогой другъ!

Вассерштейнъ. Почему онъ, - почему не мы?

Бихлеръ (сажаетъ Якова при помощи Франца).

Яковъ (отыскавъ руку матери, цѣлуетъ ее.) Прости мнѣ это горе, матушка. (Цѣлуетъ, крѣпко пожимая руку отца). Ты это поймешь, отецъ! Ты мужчина! (Сильнѣе). Евреи, братья мои, вамъ снова дадутъ жить, если вы.. Зачѣмъ вы держите меня? И такъ крѣпко! (Шепчетъ) Я хочу вонъ отсюда! (Очень сильно) Вонъ-изъ-этого-Гетто! (Разсѣкаетъ обѣими руками воздухъ, падаетъ назадъ и умираетъ)

Бихлеръ (къ окружающимъ). Умеръ!

Самуэль (встряхнувшись, сильно). Богъ далъ, Богъ взялъ... Да прославится имя Твое Господи!

Занавѣсъ.

Конецъ.

2007237545